

Наталья Букрина

АНАТОМИЯ ОБМАНА

Наталья Букрина
Анатомия обмана

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Букрина Н. А.

Анатомия обмана / Н. А. Букрина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Пережив предательство очередного ухажера, Мила утвердилась в мысли, что счастье, дабы оно не ускользнуло, необходимо сажать на цепь. Так она и поступила, окрутив безусого юнца. Вырастить мужа под себя не удалось даже с помощью колдовского зелья – послушание Александра было кратковременным. Повзрослевший муж мстил ей, заводя на стороне бесчисленные романы. Когда он объявил о разводе, жена тоже пустилась во все тяжкие. Но ни любовник, ни стриптизер не избавили ее от проблем. Людмила пошла на радикальные меры, наняв киллера...

© Букрина Н. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	26
Глава четвертая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава первая

Гром грохотал сильнее канонады. Вой ветра заглушил бы рев любой сирены. Пулеметная очередь дождя могла бы сразиться с музыкой из ада. Казалось, вот он, конец света. И случился он не в тридевятом царстве или фильме ужасов, а в двух метрах от нее, за стенами загородного дома. Неужели и прогноз для них с Сашей столь же пессимистичен? Семейная жизнь стремительно летела под откос. В последние годы их с мужем отношения напоминали кутеж разгульной непогоды: буря эмоций сменялась затишьем недоверия, за ливнем слез следовал град упреков – и так до бесконечности. Мысли путались, голова раскалывалась, настроение стремилось к нулю. Мила с опаской ощупала шелковую бирюзу простыни – мужняя половина кровати предательски пустовала. Впервые за двадцать лет совместной жизни Александр не захотел ночевать рядом с ней. Вызов? Восстание? Война? Как бы то ни было, этот звончок куда страшней природных катаклизмов. В соседней комнате сладкоголосо проворковали старинные ходики. Цифры на электронном будильнике красноречиво свидетельствовали о том, что утро далеко не раннее. Превозмогая боль, Мила помассировала виски и выглянула в окно. Машины мужа на привычном месте не было, распахнутые створки ворот безрадостно металась на ветру. Ее рубиновый Smart сиротливо жался в зарослях жасмина – надеясь преподнести Саше сюрприз, она неприметно припарковалась в глубине сада. Мила поискала глазами пульт, чтобы затворить ворота, но его на привычном месте не оказалось. Искать не было ни сил, ни желания. День откровенно не задался. Она села на подоконник и в бессилии по-детски заскулила то ли от боли, то ли от досады. Из глаз градом полились слезы. Подобно дождевым струям, они вымывали из устоявшейся повседневности нечто чрезвычайно важное, но остановить этот безудержный поток было не под силу не только слабой женщине, но и всемогущему Создателю. Вероятно, так было предначертано свыше, и ни менять, ни переписывать этот печальный сценарий попросту не имело смысла.

Где-то внизу зычно мяукала голодная кошка. «Сволочь», – выдавила из себя Мила, натягивая пеньюар. Скрепя сердце она спустилась в гостиную. Исхудавшая мурка металась вдоль окна, отчаянно зывая к милосердию. Она испепеляла хозяйку затравленным взглядом и с надеждой в голосе требовательно заявляла о своем присутствии. Видя в ответ откровенную неприязнь, насторожилась и приготовилась к обороне. Мила схватила полотенце. В предчувствии расправы шерсть на пушистой спине вздыбилась петушиным гребнем. Но стоило женщине открыть навесной шкаф, кошка вмиг позабыла о проявленном недружелюбии, ловко прыгнула на пол и доверчиво потерлась о ноги. Коробка с сухим кормом была безнадежно пуста. Запасы мясных консервов тоже бесследно испарились. Мила проверила все стеллажи и выдвижные ящики и к своему огорчению обнаружила, что всюду шаром покати. Кроме пачки сухого печенья и початой коробки чая в запасе не осталось ничегошеньки. Она заглянула в холодильник. На одной из полок вздыбился пакет забродившего сока, на другой сиротливо жались столбик жухлого салата, корочка зачерствевшего сыра и полупустая бутылка соевого соуса. Мила швырнула кошке то, что не так давно гордо именовалось «Пармезаном». Та жадно набросилась на подачку, но вскоре оставила бесполезную затею – сыр был таким древним, что не поддавался даже острым зубам хищника. Хозяйка продолжила экскурс по холодильнику. В морозильной камере с трудом угадывалась упаковка куриных грудок, своим видом скорее напоминавшая окаменевшие останки доисторического животного. Кошка снова дала о себе знать настойчивым «мяу». Мила нервно отмахнулась. Мурка отпрыгнула к двери, сжалась в комок и на всякий случай предупредительно зашипела. Дама возмутилась, распахнула входную дверь и, вооружившись шваброй, хотела выдворить пушистую сожительницу. Та, опередив недобрый человеческий посыл, стремительно юркнула за порог. Взгляд Милы остановился на распахнутых воротах, она выбежала их притворить. Промокнув до нитки, торопливо вер-

нулась в дом, сбросила пеньюар и с отвращением перешагнула через него. Спешно натянув брюки и свитер, стала искать телефон, но, споткнувшись о валяющееся платье из невесомого черного бархата, звонить передумала. Удручали не столько ссора и последовавший за ней уход мужа – они давно стали нормой. Мила вдруг отчетливо поняла, что Саша впервые за последние годы решился на откровенный бунт. Обычно после бурных ссор и нескончаемых выяснений отношений он смиренно засыпал на ее плече. Женщина судорожно всхлипнула. К чему лукавить, муж жил с ней не по любви и даже не в силу закоренелой привычки. Удерживать его помогал отвар заговоренной травы, который она исправно стряпала из года в год. И кто бы ни утверждал, что заговоры и чародейные обряды – чистой воды мистификация, Мила доподлинно знала силу их колдовской власти. Она вспорхнула на табурет и вытащила поблекшую от времени жестянку, по дну которой уныло перекатывались засохшие кругляши. «Не обманула ты меня, бабушка Меланья. Вместе с чудодейственным напитком закончилась и его любовь». Мила с ненавистью швырнула банку в мусорный бак и занялась поиском таблеток от головной боли. Перерыв содержимое всех ящичков, убедилась, что лекарств тоже нет. За пополнение всевозможных запасов традиционно отвечал Саша. Вероятно, он разом перестал заботиться обо всем. Взгляд Милы замер на полупустых бокалах вина. Неужели семейная лодка идет ко дну, а домашний очаг превратился в пресловутое разбитое корыто и больше не согреет теплом?! Последнее слово вызвало у нее горькую усмешку: назвать их отношения с мужем теплыми можно было лишь по недоразумению. Да и отношений, как таковых, по сути, давно не осталось. Так, одно название. Память помимо воли оживила события вчерашнего вечера.

...Нагишом выпорхнув из душа, Мила присела на пуфик перед зеркалом и, мурлыча под нос незатейливый мотив, занялась укладкой своих роскошных волос. То распускала их воздушной шалью, то собирала в тугий узел, то причудливо плела модной вязью. Ее раскосые песочно-карие глаза лихорадочно поблескивали. Ощупав по-девичьи упругую грудь, она лукаво улыбнулась – что ни говори, а ее новая фигура обрела чертовскую привлекательность. Скользя взглядом по усовершенствованному телу, женщина погладила обретшие стройность бедра – нынче в себе ей нравилось абсолютно все. Да и чему удивляться: за цену, которую назначила клиника за свою косметическую «ретушь», можно было приобрести вполне сносное авто. Благо, невзирая на скандалы, муж пока не лимитировал ее личные расходы. На мгновение почувствовав себя булгаковской Маргаритой, Мила схватила швабру и с хохотом чувственно оседлала ее. «Кто мне поверит, что уже за сорок?!» – с вызовом крикнула она своему отражению. Наслаждаясь новой собой, шалунья подкрутила завиток на виске и открыла баночку с диковинным кремом – остатки последней ворожбы бабушки Меланьи. Медленно растирая, нанесла на шею и грудь. Внизу трезвонил телефон. Не реагируя, Мила собрала волосы в озорной пучок и элегантно выпустила игривый локон. Трели мобильного она тоже проигнорировала. В окошке вызова значилось имя мужа. 19. 00. По идее, Александр уже подъезжает к поселку. Пусть слегка поволнуется для профилактики – тем эротичнее будет встреча. Любуясь отражением, она выдвинула ящик столика. В шкатулке для драгоценностей сверкнула заброшенная диадема, подаренная Сашей в первом парижском турне. Как показал опыт, вещь ничемная, но тогда казалось, что эта дорогая безделушка придаст ее пресной жизни качественно новый уровень. В босоногом детстве Милы обладательницами таких восхитительных украшений были лишь экранные принцессы и дивы из индийских мелодрам, и маленькая провинциальная девочка в темном зрительном зале сельского клуба мечтала о сказочной киношной драгоценности. Думалось, что ее обладательница будет жить в несказанной роскоши, купаясь в любви и наслаждаясь безграничной властью над мужчинами. Само собой, преподнести такой царский подарок сможет лишь сказочный принц. Его девочка втайне от подруг и ждала долгие годы.

Рассматривая подарок, Мила заново испытала переполнявший ее восторг у фешенебельной витрины парижского ювелирного центра. Саша уверенно выбрал самую изящную из диадем и с нарочитой небрежностью указал на нее продавцу. Бурно изобразив восхищение изысканным вкусом гостя, тот уважительно цокнул и ловко протянул сверкающее великолепие. Примеряя украшение, Мила едва не захлебнулась от восторга – так ослепителен был блеск отменных граней. Саша бережно поправил миниатюрную корону и залюбовался женой. В его взгляде было столько благоговения, что на мгновение Мила почувствовала себя едва ли не богиней. Она посмотрелась в массивное зеркало и онемела от восторга. Продавец с упоением прокомментировал неоспоримые достоинства покупательницы и протянул супругам кольцо и серьги. На мгновение лишившись дара речи, Мила шепнула мужу, что весь гарнитур баснословно дорог, и у них не останется денег на покупку модных новинок. Но Саша не внял ее просьбам и попросил упаковать комплект целиком. В этот момент в торговый зал спустился владелец магазина. Он долго и весело объяснялся с гостем на ломаном английском и языке жестов, в результате чего супруг вернулся довольный и счастливый. «Хозяин сделал нам такую скидку, что хватило еще вот на это колечко, – он хвастливо протянул жене алый коробок и с гордостью констатировал: – Мы первые русские в этом сезоне, потратившие такую солидную сумму». Мила грациозно поклонилась седовласому иностранцу и наградила его столь очаровательной улыбкой, что у того перехватило дух. Бросившись на шею Саше, она стала шептать ему слова благодарности.

– И все же это очень дорого, любовь моя.

– Игра стоит свеч, – муж уверенно двинулся к выходу. – Едем одевать тебя!

Уже в дверях их окликнул посыльный и вручил продолговатый футляр. Александр открыл его и не сумел сдержать изумления: в обрамлении золотистого атласа величаво покоился превосходный «Паркер». Оценив подарок, муж вернулся к коммерсанту и горячо пожал ему руку. Простились давними друзьями.

– Я думала, там что-нибудь стоящее, – скептически прокомментировала Мила.

– Серьезный контракт нельзя подписывать копеечной ручкой, иначе он может стать последним, – назидательно изрек супруг, бережно пряча футляр во внутренний карман. – Едем в самый модный женский магазин. Кстати, ты знаешь свои европейские размеры?

– Мы же нынче на мели, – попыталась образумить его Мила. – Не лучше ли...

– Не лучше, – резко оборвал Саша. – Чем дороже ты выглядишь, тем больше мне доверяют партнеры по бизнесу. Они не станут иметь дел с тем, чья жена носит грошовые побрякушки. Оденем тебя тоже по высшему разряду.

– Выходит, мой гардероб – всего лишь вклад в твои амбициозные планы?

– А что в этом плохого? Ты – моя визитная карточка!

Мила обиженно поджала губы – таким мужа она еще не знала. На смену милому и послушному мальчику пришел расчетливый прагматик. Было неясно, чем это чревато...

Телефон снова ожил. Мила вздохнула и примерила забытые украшения. Шаловливая мысль, что в ней есть что-то и от царственной Клеопатры, придала уверенности в себе. Губы оживила торжествующая улыбка. Она поправила кольцо с серьгами и с видом победительницы украсила руки кольцами и браслетами. Выбрав духи, нанесла несколько крошечных капель на ложбинку в груди и распахнула шкаф. В гостиной и на столике у трюмо попеременно звонили телефоны, но Мила не обращала на настойчивые трели ни малейшего внимания, придирчиво изучая содержимое гардероба. Достала шикарную рубиновую тройку – стильно, дорого, ее цвет, но не по случаю. Немного подумав, отвергла коктейльное коралловое платье и золотистый кардиган – слишком вызывающе для интимного вечера. Та же участь постигла элегантную брючную пару цвета спелой вишни, лиловую блузу с мини-юбкой и серебристый твинсет. Свой выбор Мила остановила на классическом наряде из черного струящегося бархата,

привезенного из первой восточной экспедиции. Несколько мгновений размышляла, не слишком ли строго, но вовремя вспомнила несравненную Коко Шанель с ее пророческими словами о маленьком черном платье. Оно идеально подчеркнуло достоинства ее заметно построенной фигуры. Мила отложила в сторону жемчужное ожерелье – любовному свиданию ни к чему помпезная роскошь. Погасив настольную лампу, направилась к лестнице. Заметив краем глаза в рабочем кабинете мужа открытую папку с документами, хотела задержаться, но передумала, неторопливо спустилась в гостиную, села в уютное кожаное кресло и откинулась в приятном ожидании. Когда с улицы донесся скрип открываемых ворот, Мила спешно поправила прическу и скользнула благодушным взглядом по своему отражению. Небрежно стряхнув с одного плеча бретельку, она надела на лицо очаровательную улыбку и, не спеша, двинулась навстречу мужу. Взгляд искусительницы скользнул по зеркальному столику с любимыми бокалами из богемского стекла и внезапно потускнел. Вот досада – забыла ароматические свечи! Она спешно поднялась.

Саша шумно ввалился в дом с роскошным букетом роз в одной руке и охапкой дров в другой. «Есть кто живой?» – скорее риторически уточнил он. О ноги хозяина услужливо потерлась кошка. «Бросили мы тебя, Маня, на произвол судьбы», – Саша отложил цветы в сторону и достал из кармана баночку мясных консервов. Кошка от радости замяукала громче. «Не грусти: скорая кошачья помощь доставила тебе много вкусоностей», – он прошел вглубь, открыл мурке консервы и выложил их в блюдо. Маня доверчиво заурчала, благодарно лизнула хозяйскую ладонь и жадно набросилась на еду. «Голодаешь тут одна-одинешенька», – Саша присел и погладил кошку. Мурка выгнула спину, подставляя ласке тощие бока, доверительно заурчала, но не нашла в себе сил оторваться от угощения.

Появившаяся со свечами Мила хотела возразить по поводу кошачьего одиночества, но муж, разговаривая с любимицей вслух, доверчиво сообщил: «Сейчас разведем огонь, зажжем свечи и будем ждать нашу распрекрасную даму». Он присел у камина и задумался.

Мила бесшумно спустилась на пару ступенек вниз и приготовилась сообщить, что уже готова к романтическому свиданию, но отчего-то снова сдержала себя, продолжая украдкой наблюдать за тем, как муж выложил поленья горкой, чиркнул каминной спичкой и, поеживаясь, приблизил к огню ладони.

– Замерз? – участливо уточнила жена.

– Да, – вскочил от неожиданности Саша. – В нашем доме не хватает тепла.

Он решительно обернулся, намереваясь продолжить пикировку, и замер: в неярком свете бра и загадочных переливах зеркал Мила походила на дивное божество. У Александра даже перехватило дыхание, так она была хороша. От него не ускользнуло, что фигура и лицо жены вновь побывали в умелых руках пластических хирургов, и их очередное вмешательство не пошло ей во вред.

– Bravo очередному Пигмалиону от медицины! – собравшись с мыслями, выдал супруг, цитируя фразу из подзабытого фильма: – Ты выглядишь на миллион долларов.

– Расчет был именно на это, – игриво поведя холеными плечами, подыграла Мила. – По моему, врач лишь оттенил то, чем меня щедро наделила природа, – она царственной походкой спустилась вниз и страстно обняла мужа. – Давай согрею...

Головокружительно пахло дорогим парфюмом и свежестью Елисейских полей. Жена помогла ему избавиться от куртки, спешно стала расстегивать пуговицы пиджака и подставила щеку для поцелуя. Саша с головой утонул в аромате любимых духов и на мгновение потерял контроль над собой. Эта женщина умела удивлять его даже тогда, когда до разрыва оставалось, казалось бы, всего ничего. Что-что, а привораживать его ей удавалось всегда! Александр рывком прижал жену и торопливо коснулся ширинки.

– Погоди, – она таинственно кивнула на столик, не упуская возможность отпустить очередную колкость: – Немного вина, чтобы согреть если не дом, то хотя бы тебя.

Мерцающие огоньки свечей, сгорая, причудливо колебались в легком дуновении воздуха, наполняя комнату благоуханием лавандовых полей. В их приглушенном свете бутылка наполнила силуэт Эйфелевой башни. По привычке Мила уютно расположилась на коленях мужа. Любое из их свиданий начиналось именно так. Весь мир переставал существовать, когда возлюбленная нежным клубочком сворачивалась в его объятиях.

– Маленькое путешествие в Париж? – догадался Саша и нетерпеливо притянул ее к себе. – Предлагаю начать с французского поцелуя!

– Непременно, но чуть позже, – многозначительно улыбулась Мила и словно невзначай поинтересовалась: – Ты не голоден?

– Багажник полон продуктов, – торопя романтическое продолжение вечера, оживился муж и спешно уточнил: – Принести?

– Успеется, – нараспев прошептала супруга, не желая упускать инициативу.

Она вспорхнула легкокрылой птахой, погасила бра и чувственно приспустила вторую бретельку. Платье бесшумно стекло на ковер. В свете уличных фонарей тело жены выглядело бесконечно привлекательным. Саша застонал от предвкушения, путаясь, расстегнул ремень брюк и трепетно протянул руки. Он не помнил, как они оказались в постели. С жадностью голодного зверя целуя Милу, позабыл обиды, ссоры и припасенные прощальные слова. Эта женщина имела над ним неоспоримую власть и умела распоряжаться его душой и телом практически безгранично. Саша купался в ее ласках, тая от нежности и слов признания. Рядом с ней он забывал обо всем и готов был прощать снова и снова. Мила искусно расплывала его страсть, все глубже погружая в дурманящий омут наслаждения. Такого восторга от близости он не испытывал уже давно. Стоны Александра становились все яростнее, заглушая настойчивую трель мобильного.

– Телефон, – смеясь, подсказала жена, губы которой спускались все ниже.

– К черту весь мир – я в невесомости, – дурея от возбуждения, прорычал Саша.

Телефон на мгновение смолк. Мила оседлала мужа. Ее грудь оказалась на уровне его губ. Страсть сделала свое дело – Саша воспарил. Купаясь в блаженстве, он ощущал себя на седьмом небе от счастья. Подогревая запал мужа, Мила призывно шептала: «Да-да-да...». Пятки Саши коснулись пола. Жена согнула ноги в коленях и раскинула руки. Его губы скользнули в пушистую расщелину, тело напряглось, затем подернулось пульсирующей дрожью. Ища опору, Мила сжала ладонями простынь и ненароком попала в карман брюк мужа. Телефон в ее руках призывно завибрировал. Коснувшись его, она нечаянно нажала клавишу. Из трубки посыпались гневные упреки: «Шурик, я заблудилась и промокла! Немедленно встретить меня!» Мила в ярости швырнула аппарат на пол, но он бесшумно приземлился в медвежий мех лежащей рядом шкуры. Муж воспринял ее порыв как сигнал к ускорению. Какое-то время он витал между небом и землей, задыхаясь от блаженной страсти, но, чувствуя резкое охлаждение, с трудом оторвался от манкого тела.

– Космос! Как тогда, на берегу, – нежно шепнул он, лаская упругий сосок.

Плоть Саши вновь выразила готовность. Он нащупал руку жены и увлеченно направил ее в желаемое русло. Мила брезгливо вырвала свою ладонь. Заметив, что ее глаза пылают гневом, супруг растерянно приподнялся.

– Что случилось? Было же так хорошо...

– Кому? Тебе? А мне, представь себе, отвратно!

– Почему? – Сашу сковала оторопь. – Что-то пошло не так?

– Все! – вырвавшись из его объятий, бросила Мила. Ее лицо исказила ненависть. – Твоя прекрасная дама, Шурик, заблудилась и насквозь промокла! Беги встречать!

Снова зазвонил телефон.

– Ответь, она не успокоится! – жена вскочила с постели и выбежала нагишом.

Саша пришел в себя, встал, нашел по звуку аппарат и бросил ей вслед:

– Взяла бы трубку, не было б накладок! – и обратился к невидимой собеседнице: – Зая, привет. Не шуми – уже в пути...

В ванной комнате Мила включила почти ледяную воду и с омерзением подставила тело под колкие струи душа. Она не слышала, как хлопнула входная дверь и с визгом сорвалась с места машина мужа. Не чувствуя холода, с отвращением смывала с себя прикосновение его неверных рук. А потом, не закусывая, влила в себя полбутылки виски. Стоило ли удивляться, что утром раскалывалась голова...

подавив вздох, Мила подобрала платье и поднялась в спальню. Внизу зазвонил мобильный телефон. «Интересно, будет попросить прощение или предъявит ультиматум? – прикидывала она в уме сценарий разговора и, выдавая желаемое за действительное, утешила себя: – Примчится и запросит мира!» За поддержкой Мила обернулась к зеркалу. Увиденное удручило: на нее смотрело постаревшее, осунувшееся от слез и бессонной ночи лицо не желающей мириться с возрастом женщины. Волосы небрежно свисали на плечи, косметика опала, потрескавшиеся губы распухли. Снова зазвонил телефон. Мила не шелкнулась. В глазах вспыхнуло торжествующее злорадство: моя взяла! «Никуда ты, мой милый, не денешься!» – самонадеянно подытожила она, снимая трубку.

– Александра Евгеньевича можно? – поинтересовался неприятный фальцет.

– Во-первых, здравствуйте, – не скрывая разочарования, выплеснула собеседница. – Во-вторых, хотелось бы узнать, кто его спрашивает?

– Это из налоговой службы. У нас серьезные претензии к господину Реброву...

– Он в офисе.

– Телефон не подскажете?

– Записывайте...

За окном прояснилось. Настроение Милы тоже изменилось. Молчание мужа не напрягало – ссориться им не впервой. Покукнется, подуется, поиграет в молчанку, и все вернется на круги своя – прожили же как-то двадцать лет. Мила достала заброшенное печенье, нашла заварочную кружку и нажала кнопку чайника. «Прорвемся! Где наша не пропадала! – оптимистично подытожила она. – Доберусь до Москвы, и все будет хорошо». К вечеру погода наладилась. Настроение Милы заметно улучшилось. Повеселев, она улыбнулась своему отражению: «Главное не киснуть. А утраченные позиции отвоюем: на том и стоим».

Утренняя Москва нравилась Миле особо. Солнечные лучи еще не пресытились жарой и нежным прикосновением легонько ласкали кожу. По центру города, свободного от пробок и возбужденных водителей, можно было промчаться безо всякого труда. Она улыбнулась своим мыслям, сделала музыку громче, сбавила скорость и опустила стекло. Миле нравилась полупустая столица, с ее обросшими легендами старинными переулками и манящими новизной современными кварталами. При всем разнообразии архитектурных ансамблей, местами нелепых, а порой вызывающе смелых, город не переставал удивлять ее своей притягательностью. И хотя численность нелегалов, наводнивших первопрестольную, могло посоперничать с количеством коренных москвичей, из окна престижного авто жизнь казалась довольно-таки счастливой. Впрочем, Мила осознавала, что эти ощущения мимолетны: едва она переступит порог квартиры, оптимизм уступит место пессимизму – городская жизнь действовала на нее удручающе. Прибравшись, она не будет знать, чем себя занять, созвонится с приятельницей и отправится в фитнес клуб, где нехотя осилит пяток силовых упражнений, окунет свое тело в бассейн, расслабит в руках массажиста и погоняет травяные чаи в сауне. Но все это будет не

сейчас, а чуть позже. В данный момент ее устраивало абсолютно все. По крайней мере, так казалось в эту конкретную минуту.

Первые прохожие, поеживаясь и позевывая на ходу, спешили к остановкам общественного транспорта. Их мрачные и совершенно не выспавшиеся лица были устремлены неведомо куда. Веселым табором прошла внушительная группа неугомонных цыган, взяв в кольцо растерянную девушку. Та испуганно оглянулась. Мила притормозила, посигналила и сделала вид, что звонит в полицию. Воспользовавшись заминкой, девушка ловко прыгнула в подоспевший троллейбус и благодарно улыбнулась своей спасительнице. Мила небрежно кивнула в ответ и свернула к набережной. Припарковав машину в уютном дворике элитной многоэтажки с видом на Москву-реку, она уверенно шагнула в прохладу просторного холла. Не глядя на закрытость территории, почтовый ящик снова был переполнен. Не скрывая недовольства, она холодно поинтересовалась у аккуратной пожилой консьержки:

– Объясните, каким образом весь этот мусор появляется в зоне частных владений?

– Не могу знать, – робко ответила та, пряча взгляд.

Появившийся сосед приветливо поздоровался, терпеливо выложил содержимое поверх почтового ящика и вызвал лифт. Мила кивнула ему и обернулась к старушке.

– Не лгите: весь этот бумажный мусор разносят ваши знакомые подростки, я видела, как вы их впускали, и сделала вам замечание, что не потерплю более этого безобразия, – она нервно распахнула дверцу почтового ящика. – Что ж, будем ставить на правлении вопрос о вашем несоответствии занимаемой должности – мы платим немалые средства на ваше содержание и вправе рассчитывать на порядок!

Рассыпавшись, печатная продукция разлетелась по всему холлу. Мила досадливо подбрала счета на оплату, не замечая отлетевшего в сторону письма. Подбежавшая консьержка стала услужливо собирать рекламные проспекты и брошюры.

– Людмила Григорьевна, не лишайте меня средств к существованию, – взмолилась она. – У меня муж парализован и внучка на инвалидности. Без этой работы мы пропадем.

– А мне надоел бумажный беспредел, приносимый вашими протезе!

– Вадику и Лере не на что жить – они сироты, а бабушка никак не может оправиться от горя, да и пенсия у нее – всего ничего. Они ребята хорошие: он студент, сестренка заканчивает школу. Тоже с золотой медалью. Им надо и кушать, и одеваться, и лекарства бабушке покупать – дети за любую подработку хватаются. Обещаю, в вашем почтовом ящике больше не будет ни единого листочка, – заверила женщина, преданно заглядывая Миле в глаза. – Только не надо никому жаловаться. Умоляю!

– Даю вам последний шанс! – великодушно согласилась полемистка.

Чувствовать себя спасительницей было весьма приятно. Консьержка благодарно улыбнулась и протянула строптивой жиличке оброненное письмо. Мила всмотрелась в неразборчивую вязь каракуль и грустно прошептала: «Мама». Пришла кабина лифта. Сосед придержал дверь и протянул старушке визитную карточку:

– Если дети действительно сироты, пусть позвонят – помогу решить их проблемы.

– Родители погибли при взрыве в метро, а бабушка слегла и который год не встает, – побожилась женщина, и ее голос задрожал.

– Непременно выручу, – заверил мужчина и жестом пригласил Милу войти.

В полумрачной кабине ей не терпелось поскорее прочесть письмо, но смущало присутствие попутчика. Едва он вышел, Мила спешно вскрыла конверт. Чем дольше она вчитывалась, тем больше ее охватывало волнение.

В квартире было душно. Мила включила кондиционер. Переодевшись, сделала влажную уборку и сварила кофе. Присев в кресло, развернула материнское послание. Найдя заветное место, внимательно перечла: «...два месяца назад в квартиру покойной бабы Зои переехала сестра твоего бывшего ухажера, Бориса. Он нынче служит где-то за Уралом, но, вроде как, до

сих пор сохнет по тебе. Райка по его просьбе даже просила твой адрес, но я не дала – чего зазря берeditь то, что отболело. И фото твое Борису не дала, когда он приезжал в командировку. Через месяц хочет наведаться в отпуск, один, без семьи. Вот уж не скажу, развелся он или просто не живет со своей супругицей. Заходил, но я его взашей с лестницы спустила. Нету у него никакого стыда, коли не совестится в глаза мне смотреть...».

От волнения у Милы засосало под ложечкой. Она погляделась в зеркало – глаза слезились, щеки пылали румянцем. Дрожащие руки помимо воли потянулись к телефонной трубке.

– Алле, – раздался на том конце старческий мужской голос. – Ванька, ты что ли?

– Привет, папа! Это я.

– Людка?.. – растерялся отец. – Нешто с пацанами беда приключилась?

– Все путем. Разве я не могу позвонить просто так?

– Мочь-то можешь, да ведь без надобности тебе это.

– Соскучилась вот. Расскажи, как живете? Здоровы ли?

– Все как у людей. Я малость хворал, теперь снова сторожу, не сидится мне без дел.

– Папа, ты, видимо, в обиде, что не помогаю, но я ведь не работаю...

– Ванька с Ленкой пропасть не дадут. Тут Леся трубку рвет. Покеда.

В трубке раздался горький вздох. Мила в волнении оцепенела.

– Здравствуй, мама, – помедлив, выдала она.

– Здравствуй, дочка. Письмо, стало быть, прочла? Снова месяц в ящике пылилось.

– Получила лишь сегодня и дай, думаю, позвоню.

– Ладно-то хитрить. Борькой, поди, интересоваться станешь?

– Позвонила узнать, как у вас дела.

– Ну-ну, – недоверчиво усмехнулась мать. – Раньше тебя это не особо волновало. Отец месяц в больнице провалялся, мы все тут с ног сбилась в поисках лекарств.

– Позвонила бы, я бы помогла.

– Звонить дорого. Мы с Гришей деньги не рисуем.

– Мама, ты только скажи, что нужно, я куплю и привезу.

– Куда это привезешь? – недоверчиво уточнила Леся.

– Вам. Приеду в гости и привезу.

– С какого такого перепугу? Бабку похоронить, небось, ни времени, ни денег не нашлось.

Наташка так та самолетом примчалась, когда бабу Зою хоронили. К чужому человеку, заметь. А она ведь тоже в столице живет. И не последний человек там.

– Мама, чего меня Наташкой тыкать! Она – одно, я – совсем другое. Я же тебе сто раз уже говорила: мы были тогда в Испании и твою телеграмму не получили.

– В Испании, – повторила мать. – Запанели вы там совсем, господа олигархи.

– Мам, ну, какой из Саши олигарх? Просто состоятельный человек. Что плохого в том, что мы живем лучше вас?

– Плохо не то, что богато живете, а то, что ты о других не помнишь. Не одна ведь на белом свете. Могла бы и о родне побеспокоиться.

– Вот я и решила вас навестить. Чего привезти-то?

– Ничего нам от вас не надобно – Ванька с Ленкой помогают, ребятня их завсегда рядом, – отмахнулась Леся. Ее вдруг осенила догадка: – Нешто ты едешь, чтобы с Борькой свидеться? Людка, лучше не дури!

– Мама! Не выдумывай!

– Ну и лады. Так что неча ехать. Лучше скажи, как мальчики?

– В порядке. Тема скоро приедет в отпуск. Он у нас курсант-отличник.

– Зря вы затеяли его в армию с малолетства...

– Пусть растет мужиком! Так надежнее.

– Без дома? Без семьи? Он, чай, не сирота. Коли помеха он вам, отослали бы сюда – мы бы с дедом и его подняли на ноги. Тошку не вздумай определять в эту неволю!

– Мама, мужчине нужна дисциплина. Его уже записали в кадеты.

– В попы что ли? – уточнила мать.

– Нет, тоже в военные.

– Совсем ополоумела ты, Людка! Креста на тебе нет!

– Так будет лучше.

– Кому? Вам с Сашей? У мальчиков нет ни детства, ни дома, ни семьи.

– Все у них будет со временем. А пока пусть учатся уму-разуму.

– Эх, дочь, камень у тебя вместо сердца. Давай закругляться, тесто поднялось – хочу ребятне пирожков налепить.

– Ох, мама, едут на тебе Ванька с Ленкой.

– А мне не в тягость – в радость. Не сдавать же внуков в приюты. Ванька с зятем снова на вахте, кто же их женам подсобит, как не мы с Гришей? Ладно, прощай.

– До встречи.

– Никак ты и впрямь собралась приехать?

– Теперь точно выберусь. Посидим, посеCRETничаем. А что, не примете?

– Что ж мы нелюди? Приезжай. Только Борьку из головы выкинь!

– Мама! Ты зря...

– Знаю, про что гутарю. Почую неладное – пощады не жди! За мной не залежится.

Леся положила трубку и выглянула в окно. По улице, не спеша и тяжело вздыхая, шел постаревший Григорий. Седые пряди волос выглядывали из-под видавшей виды кепки, словно хлопья лежалого снега. Плечи осунулись, спина сгорбилась. Руки-плети устало несли зонт и котомку с едой. Леся вздохнула и смахнула непрошеную слезу. «Вот, Гриша, жизнь и пролетела. Выходит, дождалась-таки я, что Людка выросла, а легче-то и не стало», – с горечью подумала она, присев на краешек старенького дивана, и не заметила, как перенеслась мыслями в прошлое. Картинка из юности более чем полувековой давности была такой яркой и осязаемой, что из глаз невольно потекли слезы.

Глава вторая

...Типично южное село – несколько десятков простеньких изб с огородами, колодец с журавлем, конюшня и коровник – раскинулось на пригорке возле небольшой петляющей среди бескрайних степей реки. На дверях правления пылился огромный амбарный замок – уборочная страда в самом разгаре. Задиристые гуси с шумом выясняли отношения у входа в поселковый магазин. Резво щебетали неугомонные птицы, срывались на хрип запоздалые петухи, яркая зелень серебрилась в лучах солнца и шепталась с легкомысленным ветерком, заплутавшим в развесистых ветках плакучих ив у заросшего пруда. Село потихоньку просыпалось. Аккуратная старушка в домотканом фартуке поверх расшитой ночной рубашки, боясь расплескать, осторожно несла молоко в ведре, покрытом марлей. Где-то грустно мычала корова. «Погодь, Зорька», – нежно хлопала буренку по гладким бокам озорная молодуха на соседнем дворе. У входа на сеновал девчушка лет двенадцати лениво рубила в корыте корм для домашней птицы.

Разбросанные за околицей стожки издали напоминали аккуратные муравейники. Утренние лучи солнца нежно касались лиц влюбленной пары, милующейся в пахучем гнезде из сена. Проснувшись первой, Леся сонно потянулась, улыбнулась новому дню и стала переплетать густую светло-русую косу. Парень, посапывая, перевернулся на другой бок. Ветер беззаботно играл с его кучерявой шевелюрой цвета вороньего крыла и ласкал смуглую цыганскую кожу. Зазноба выбрала пушистую травинку и легонько пощекотала нос сони. Кавалер звонко чихнул и ловко подмял дивчину под себя. Целуясь, озорники скатились на землю. Леся игриво вырвалась и, пританцовывая, звонко расхохоталась. Тощая тетка, перетянутая веревкой с бидоном земляники на поясе, притихла в кустах. Подкравшись ближе, она пытливо прищурилась. Узнав Лесю и Степана, изумленно ахнула и бросилась наутек. Ей нетерпелось первой разнести горячую новость по селу.

Ходики на стене, мерно тикая, показывали начало шестого. У печи бодро хлопотала статная хозяйка в нарядной вышиванке. Ей чуть за сорок. Лицо открытое, красивое. Плотная коса аккуратно уложена вокруг головы. На сковороде аппетитно пенилась пышная яичница со шкварками, на столе в миске переливались свежестью помидоры, огурцы, перья зеленого лука и пучок зелени. Под рушником томился свежеиспеченный каравай. Из спальни в одном исподнем, сонно потягиваясь, вышел еще нестарый седеющий мужчина и безучастно кивнул жене. Хозяйка как-то виновато улыбнулась ему и протянула полотенце. Не проронив ни слова, муж вышел в палисад, к рукомойнику. В соседней комнате белобрысая девчушка лет двенадцати, смачно причмокивая, сладко потянулась. Вернувшийся хозяин натянул рубаху и, отодвинув завтрак в сторону, стал нервно перебирать содержимое выдвижного ящика стола. Жена продолжала хлопотать у печи, краем глаза наблюдая за ним.

– Анна, паспорт не видала? Мне сегодня в район за техникой!

– Посмотри в шкатулке.

– Нету! – мужчина подошел к навесным самодельным полкам и пошарил за книгами. – Как корова языком слизала! Может, в пиджаке с прошлого раза пылится?

– Давай я погляжу, – бросилась наперерез жена.

Супруг удивленно поднял брови и остановил ее взглядом:

– Не заблужусь.

– Микола, – едва слышно раздалось за его спиной. – Девочки не одеты.

– Чай, не в бане и не панночки, – сухо обрубил отец.

Решительно оттолкнув Анну, он бойко шагнул в комнату и, глядя под ноги, на носочках прокрался к массивному дубовому шкафу. Шаря по карманам, строго приказал:

– Галя, подъем! Пора корову гнать!

Отец уже выходил, когда дочь трусовато запротестовала:

– Чуть что, сразу Галя. Сегодня Леськина очередь. Я с мамой полоть иду.

– Лесья, подъем! – сухо скомандовал Микола, прикрывая за собой дверь.

Отсутствие ответа заставило его обернуться. Повторять команду не имело смысла – кровать старшей дочери даже не была разобрана. Анна испуганно прижала ладонь к губам. Брови Миколы свирепо взмыли вверх, с губ сорвалось ругательство.

– Мать, поди-ка сюда! – настойчиво пробасил он.

Видя, что накликала беду, Галя испуганно села и натянула одеяло по самый нос. Два детских глаза напряженно следили за развитием событий. Отец был взбешен.

– И где ж эту шалаву нынче носит?

Мать промолчала, виновато опустив полные слез глаза.

– Если узнаю, что со Степкой в стогах кувыркается, убью стерву! – сжав кулаки, Микола выдернул ремень и, придерживая штаны, чтобы не упали, выскочил во двор.

Анна бросилась следом, но при виде пастуха, щуплого доходяги с лицом балагура, гнавшего по улице стадо коров, застыла на пороге. Вместо левой ноги у мужичка был самодельный протез. Одной рукой он справно хлестал кнутом о землю, другой успевал щипать за зад аппетитную бабенку. Та задорно хохотала и шутивно отбивалась. Пастух что-то шепнул ей на ухо, и пара дружно покатила со смеху. Поравнявшись с домом, тетка приветливо кивнула Анне и не удержалась от едкого комментария в адрес Миколы: «Держи портки, хозяйство сдует!» Сосед злобно сверкнул глазами и сплюнул в ее сторону. Ловко перемахнув через плетень, он скрылся в огороде. Тетка прилепилась к калитке и озорно прокомментировала:

– Давай ему, Аннусечка, почаще, а то поскачет к бабам ненароком. Не каждая такому рысаку откажет, – но, видя состояние приятельницы, миролюбиво поторопила: – Кличь Лесью, а то бодливые буренки Охримку последнюю ногу зажуют!

– Лишь бы рога не наставили! – подыграл хохмач, любуясь соседкой.

В его взгляде перемешались боль, беспокойство и симпатия. Анна печально отвела глаза и выгнала из хлева корову. Та послушно влилась в стадо, промычав на прощание. Хозяйка растерянно осмотрелась. Из дырки в плетне позади хаты выскочила запыхавшаяся Лесья. Стараясь не пересекаться взглядом с матерью, она перехватила из ее рук прут и ловко выбежала за калитку.

– Не шуми, тетка Авдотья, здесь я!

Из-за избы показался разъяренный Микола, но дочь успела спрятаться за Охримка. Размахивая ремнем, отец угрожающе процедил сквозь зубы:

– Ах, ты, мать твою зараза! Вечером не жди пощады!

Микола вдел в штаны ремень, нетерпеливо пропустил стадо и пошел прочь.

– Ты ж не поел! – крикнула вслед Анна.

– Сыт по горло! – не оборачиваясь, муж резко провел ладонью поперек шеи.

Анна промокнула слезы краешком фартука и присела на крыльцо. Прижавшись, к ней под села младшая дочь. Мать обняла ее за хрупкие плечики и нежно приладила податливые волосы. Лохматый пес у будки жалобно заскулил.

– Погодь, Трезорка, зараз покормлю, – встрепенулась хозяйка, вскакивая. – Галюня, геть за узелком! Беги за Лесей, да пошибче, а то усохнет за день с голодухи.

Палящее солнце блаженствовало в зените. Разморившееся стадо, отбиваясь от стаи кровососов-оводов, отчаянно рвалось в спасительную тень. Полусонная Лесья едва успевала отгонять строптивых буренок от обочины. Ловко подгоняя коров прутом, девушка лениво смахнула со лба бисеринки пота, обнажив при этом изящный локоток. Вихрастый водовоз неуклюже притормозил телегу с бочкой и, залившись от смущения краской, протянул девушке наполненный до краев резной ковш.

– Студеная, – робко прошептал паренек, не в силах оторвать от прелестницы глаз.

Леся игриво улыбнулась и, купаясь в восторженных вздохах юного поклонника, как бы нехотя сделала пару глотков. Ее розовые губки нежно скользили по деревянному ободку. Крошечная струйка воды, просочившись сквозь них, ласково пробежала по шее и скрылась в глубоком разрезе расшитой блузы. Едва не захлебнувшись от возбуждения, юноша жадно глотнул и в испуге перевел взгляд на хорошенькое личико, любясь выбивающимися из-под толстой косы завитками волос.

– Здоровеньки булы, Гришаня. Гляди, не ослепни от этакой красоты, – попытался переключить его внимание на себя пастух. – Дай-ка и мне водицы испить.

Пока Охримок отвлекал водовоза, Леся устало опустила в траву и, едва ли не на лету, провалилась в сон. На лесную опушку выпорхнула остроносая баба с полнехоньким бидоном ягод на поясе и устремилась к собеседникам.

– Накинь платок на свой роток, Гришко, – усмехнулась тетка, видя, что парень не сводит глаз со спящей Леси. – Не про тебя эта сладка ягодка. Не оперился ишо.

– Язык у тебя, Куделиха, как помело, – заступился Охримок.

– А твое дело, болезный, буренкам хвосты крутить, не то они часом в райцентр подадутся. Рыжуха, глянь, уже на полпути!

– Леся! – растерянно осмотрелся пастух. – Лови скорее Акулину заразу!

Девушка испуганно вскочила и бросилась вдогонку за коровой. Куделиха, засунув в рот два пальца, залихватски свистнула ей вслед. Испуганное стадо бросилось врассыпную. Женщина расхохоталась и поспешила прочь.

– У, bestия! – пригрозил ей вслед пастух.

Леся, отчаянно колотя Рыжуху веткой, с трудом выгнала строптивую беглянку из зарослей. Гришко, отчаянно конфузясь, пожирал девушку глазами. Заметив это, она сорвала травинку и, покусывая ее, с вызовом посмотрела на водовоза. Над поляной озорным колокольчиком рассыпался мелодичный смех.

– Нравлюсь? – подбоченясь, уточнила красавица. – Чего ж замуж не зовешь?

Сконфузившись, паренек покраснел и покрылся испариной.

– А коль позову, – осмелев, выдавил из себя он, – нешто пойдешь?

Леся с нескрываемым интересом посмотрела на остолбеневшего страдальца.

– Отчего же? Может, и пойду, вон ты какой хорошенький и покладистый, – девушка участливо посмотрела ему в глаза, но тут же дерзко расхохоталась.

Водовоза бросило в жар, но уже в следующее мгновение обожгло холодом. Он покраснел с головы до пят, пропотел от возбуждения и резко стеганул старенькую кобылу. Та беспомощно оглянулась. В глазах податливой кормилицы застыли боль и недоумение. Гришко дернул за поводья. Лошадь понуро поплелась по дороге. Парень соскочил с воза и, нагнав, погладил ее по холке. Кобыла приняла извинения и прибавила шаг. Леся села в траву, потянулась и откинулась на спину.

– Негоже сиротинку обижать, – огорченно прокомментировал пастух.

Девушка стыдливо отвернулась. Охримок вздохнул и пересчитал стадо.

День клонился к вечеру. Хлопоча у печи, Анна сквозь распахнутую дверь услышала, как из рукотойника во дворе полилась вода. Прибрав под косынку волосы, она сняла с печи заслонку и прихватом подтянула чугунок. Накрыв на стол, присела на скамейку в ожидании мужа. Тот явно тянул время. Ввалившись, устало кивнул и молча сел ужинать. Своим грозным видом он демонстрировал утреннюю решимость. Анна подавила вздох и села напротив, не докучая расспросами. Насытившись, Микола отодвинул миску и выразительно посмотрел на жену. Она опасливо улыбнулась. Насладившись негласной победой, муж буркнул нечто вроде благодарности, но из-за стола не вышел. Когда за воротами замычало стадо, он неспешно скру-

тил полотенце в тугую веревку и выкатился на крыльцо. Анна с марлей через плечо и ведром в подрагивающих от волнения руках послушно поплелась следом. Предчувствуя неладное, Охримок попытался беседой остудить ярость грозного соседа, но Микола выразительным жестом предложил ему следовать мимо. Встретившись взглядом с отцом, Леся отчаянно заморгала, нехотя вошла во двор и подтолкнула корову к стойлу. Отец одним прыжком перегородил ей путь к отступлению и намотал косу на кулак. Уронив ведро, Анна бросилась выручать дочь. Видя, что ситуация накаляется, вмешался Охримок.

– Леся, выручай, лови Акулинину Рыжуху, убегла, зараза! – отчаянно завопил он.

От неожиданности скорый на расправу Микола разжал ладонь. Дочь пулей вылетела за калитку и затерялась среди стада. Анна с облегчением вздохнула и повела корову на дойку. Микола подскочил к забору, испепеляя инвалида бешеным взглядом.

– Все жалеешь, что Анна не за тебя вышла? – злобно уточнил он.

– Жалею, что выбрала тебя, – пастух ударил плетью и скрылся в облаке пыли.

Взбешенный Микола ворвался в сарай. На лице Анны не дрогнул ни один мускул.

– Слышь, что лопотал твой бывший ухажер? – рассвирепел муж.

– Не было у нас ничего, знаешь ведь, – с достоинством ответила женщина.

– Будь что, не тут бы ты сидела, – пригрозил Микола, выпуская пар.

Поздно вечером Леся попыталась влезть в дом через окно и угодила прямо в руки караулившего ее отца. Когда из детской спальни раздался девичий вопль, и за порог испуганно выскочила босоногая Галя, Анна прислонилась к дверному косяку и залилась горячими слезами. Стало жаль дочь и свою незамысловатую долю. В комнате девочек что-то рушилось и громыhalo, были слышны удары ремня, ругань мужа и стоны Леси.

– Мамочка, вызволяй, зашибет ведь, – испуганно взмолилась Галя.

Анна решительно бросилась на выручку и лоб в лоб столкнулась с выбегающей дочерью. Растрепанные волосы не скрывали следов крови на рассеченном лице. Порванная юбка обнажила битые коленки. Распухшие губы упрямо твердили: «Ненавижу!» Леся оттолкнула мать с сестрой и вырвалась из дома. Отец бросился следом. Было слышно, как в сенях он опрокинул ведро, и полилась вода. Поскользнувшись, Микола упал. Дом огласила отборная брань. Потирая ушибленное бедро, он вернулся в дом. Перепуганная Галя спряталась за мать и заревела в голос.

– Еще раз ей окно откроешь, зашибу! – пригрозил отец, для острастки молотя ремнем по стене, и погрозил кулаком в сторону двери. – У, змеиное отродье!

Дождавшись, когда муж уснет, Анна набросила шаль, захватила для дочери кофту и сквозь ивняк пробралась к пруду. Леся, поджав под себя битые коленки, сидела на широком пне, уткнувшись лицом в складки юбки. Мать обняла ее, тепло укутав плечи, нежно погладила растрепавшиеся волосы и стала плести густую косу. На шее девушки зияли кровавые разводы. Женщина подолом юбки протерла запекшуюся кровь.

– Зачем ты вышла за него? – всхлипывая, уточнила дочь.

– После войны на десять девок был один жених, да и тот – калека.

– Охримок? – подавила вздох Леся. – Он добрый.

– А какой с него прок? – скорбно вздохнула мать. – И старше меня почитай годков на двадцать. А отец вернулся с фронта весь в медалях, руки-ноги целы, молодой, собой хорош. Характер, конечно, не сахар, но на все руки мастер. А мне как раз в ту пору минула двадцать пятая весна – война из нас всех вековых сделать могла. Из кого было выбирать? Какая уж тут любовь. Хотя мне потом вся округа завидовала.

– А я замуж только по любви пойду, – твердо заявила Леся.

– Все мечтают по любви, а выходят за того, кто берет, – вздохнула Анна и посетовала: – Степка – парень себе на уме. У него таких любовей в каждом сарае по паре.

– Бабы врут, а ты не слушай! – запротестовала дочь. – Я для него свет в окошке.

- Ой, ли? – присела рядом Анна. – У него что ни вечер, новая встреча.
- Нет, мама, он давно стал однолюбом!
- Это пока ты юбку не задерешь, – нравоучительно возразила мать.
- Мама, Степка одну меня любит. Я таких слов вовек не слыхивала...

Дочь мечтательно улыбнулась. Мать горестно вздохнула и крепко обняла ее. Из зарослей донесся подозрительный шум. Леся вздрогнула, Анна прижала палец к губам: «Тише, вдруг отец нас с тобой хватился». Они прислушались. В нескольких шагах кто-то жарко целовался и заразительно смеялся. Томные вздохи сменились беспокойной возней. «Не торопись, – шумно дыша, попросила девушка. – Сама разденусь». Анна тревожно осмотрелась и схватила дочь за руку. Она сразу догадалась, кто и чем занимается в прибрежных кустах, и попыталась удержать Леся от необдуманного поступка. Та, томимая дурным предчувствием, напряженно вслушалась и, выдернув ладонь, стремительно помчалась на зов голосов. Решительно раздвинув ветки, она окаменела. Изнемогая от страсти, пара на траве занималась любовью. Роскошные кудри не позволяли усомниться, что молодой человек – ее ненаглядный Степан. Возмущенная Леся хотела закричать, но мать опередила и зажала ей рот. Боясь разоблачения, парочка стремительно бросилась наутек. В отчаянии Леся зарыдала. Анна стала ее утешать: «Степан, словно ветер – ни поймать, ни удержать. Не лей, глупышка, понапрасну слезы: любовь тебя не обойдет. Ты только честь не замарай. Парни ведь на целок падки, а как получают свое – ищи ветра в поле...» Леся упала лицом в траву и зарыдала что есть мочи. Мать присела рядом. «Никак было что-то?» – испуганно уточнила она. Дочь кивнула и забилась в истерике. Анна прилегла рядом и стала подвывать.

В избу они вернулись за полночь. Не зажигая свет, прокрались в сени и едва не столкнулись с утоляющим жажду Миколой. На всякий случай Анна заслонила собой дочь. Полусонный муж, не оборачиваясь, безучастно что-то буркнул и прошлепал в спальню. Леся на цыпочках просочилась в свою комнату. Анна развела тесто и только потом легла. Голова пухла от тревожных мыслей, комок в горле мешал дышать, до боли резало глаза, но дать волю слезам было невозможно. Чтобы не закричать, она крепче стиснула зубы.

Ходики на стене показывали без четверти шесть, а Анна уже выкладывала на рушник ароматные пироги. То ли рыкнув, то ли сглотнув, Микола открыл глаза, втягивая в себя запах выпечки. Что ни говори, а жена была отменной хозяйкой, но баловать ее похвалой он считал лишним. Натянув штаны, глава семьи стукнул кулаком по соседней стене, производя побудку. Леся открыла глаза и спешно села на кровати. Сонно потянувшись, она ощутила приступ дурноты, резко соскочила и помчалась во двор. Пробегая мимо отца, кивнула на ходу. Анна проводила дочь беспокойным взглядом, готовясь к расспросам мужа. «Животом мается?» – вместо приветствия, уточнил хозяин и, не дожидаясь ответа, вышел из дома. Утренняя прохлада бодрила. Сделав пару взмахов руками, Микола несколько раз присел, полагая, что это и есть зарядка. У домохозяйки едва держалась на ногах бледная Леся. При виде отца ее скрутило и вывернуло наизнанку. Брови Миколы удивленно поползли вверх. Дочь прижалась к стене и, петляя, попятилась к дому.

Завтракали молча. Глядя на то, с каким отвращением Леся ковыряется в тарелке, отец рубанул кулаком по столу.

– Брезуешь? – сурово уточнил он. – Марш на ток. Обе! – Микола с вызовом посмотрел на жену. – А то взяли моду воротить морду. Что вам не так?

От неожиданности дочь поперхнулась и закашлялась. В следующее мгновение ее захлестнула тошнота. В испуге девушка вскочила.

- Сидеть, пока не отпущу! – взорвался отец.

Зажав рот, Леся бросилась вон. Микола хотел догнать, но путь перегородила жена. Лицо Анны перекошило от страха и боли. Вместо слов из гортани вырывались хрипы. Видя такое ее состояние, супруг остолбенел.

– Ты чего это? Не трону, – заверил он и вдруг осекся. – Она у нас случаем не того?

Анна испуганно заморгала, не зная, что сказать.

– Никак Леська понесла? – перешел на крик Микола и, сжав кулаки, пообещал: – Если обрюхатилась, подлюка, запорю!

– Тише, Галюню разбудишь, – молитвенно сложила руки жена.

– Пусть с малолетства знает, что подол вперед свадьбы задрать не стоит!

Микола нервно рванул рубаху и демонстративно стал расстегивать ремень.

– Не выйдет запороть! – угрожающе прозвучало за его спиной.

Отец резко оглянулся. Леся отчаянно взмахнула серпом.

В бессилии Анна прислонилась к печи. Микола в изумлении застыл.

– Чего стоишь? Руби! – насмешливо потребовал он, протянув кисть.

– А ты попробуй, ударь, – шагнула навстречу дочь. – Мне терять нечего.

Анна сорвалась с места и решительно стала между ними. Сверкнув глазами, Леся отступила. Отец в задумчивости вернулся к столу.

– Как срам прикрывать собираешься? – пыхтя, уточнил он.

– Замуж пойду, – Леся села присела на краешек скамейки и отхлебнула молока.

– Так тебя Степка и взял! – съязвил Микола.

– Я за Гришко выйду.

– Какой с дитяти муж? – укорила Анна. – Из всей родни – один столетний дед.

– И хорошо, что сирота! – пришел в себя Микола, с хрустом разгрызая головку зеленого лука. – Позор прикрыть сгодится. Про дите ему расскажешь?

Леся недобро усмехнулась и отправила в рот крошку хлеба:

– К чему пугать парнишку раньше срока?

– Так ведь Куделиха, поди, язык не проглотила, да и Гришко считать давно умеет.

– Мы в поселок уедем, на шахту, там работа тяжелая, от нее, бывает, женщины раньше срока рожают. Выкручусь.

– Ну, ты и стерва! – не удержался от комментария отец. – Со свадьбой нечего тянуть! В субботу и сыграем! Пусть засылает сватов!

Стол накрыли прямо в саду. Запотевшие бутылки с горилкой и наливкой томились в тени под деревьями. Микола по-хозяйски проверял скамейки на прочность. Нарядно одетые старухи торопливо выносили закуски. Дети, сидя на завалинке, уплетали пироги. «Вижу!» – радостно запрыгала Галя и кубарем полетела к матери. «Молодые из района едут! – с визгом закричала Анне соседка, забегая в дом. – Выноси каравай!»

Все застолье Микола исправно наполнял рюмку жениха. К ночи сомлевший от восторга и счастья Гришко не стоял на ногах. В спальню его внесли почти без чувств. Беспричинно улыбаясь, он свернулся калачиком и заснул, не дождавшись новобрачной. Пока Леся прибирала платье и фату, мать полоснула ножом по ладони и поднесла руку к белоснежной простыне. Окровавленное полотнище все утро трепыхалось на ветру на виду у всего села, отнимая у сплетниц пищу для досужей трепотни.

На третий день молодых снарядили в дорогу. В шахтерском поселке семье выделили комнату в семейном общежитии. Помаленьку стали обживаться. Гришко окружил жену заботой и буквально сдувал с нее пылинки. Вкалывал что было силы, неплохо зарабатывал, окреп и даже возмужал, полагая себя самым счастливым человеком на свете. Лесина работа оказалась несложной – она прибиралась на этажах общежития, времени на хозяйство и готовку хватало всегда. Чистота, уют, забота – мужу не в чем ее упрекнуть. Позволяя любить себя, Леся насла-

ждалась свалившимся на нее блаженством, но ледок в сердце не таял – стать героем ее романа Гришко суждено не было. К исходу зимы будущие родители обзавелись детской кроваткой. Беременность не сильно изменила фигуру Леси, потому о сроке родов задумываться не было нужды. Однако приближение этой даты не давало покоя Анне. Когда Микола в очередной раз выбрался в район по делам, она напросилась вместе с ним. На радостях дочь потащила мать по магазинам. Пока Анна ломала голову над тем, как правдоподобнее разрешить ситуацию с преждевременными родами, Леся беззаботно скупала едва ли не весь ассортимент отдела для новорожденных, готовя богатое приданое. Пол будущего ребенка ее не беспокоил – любящему мужу за счастье и сын, и дочь, и двойня с тройней.

Затоварившись, в общежитие возвращались мимо проходной. Закончилась смена, и народ плотной рекой устремился вниз по тесной улочке. Леся поминутно оглядывалась, пытаясь разглядеть в людском потоке силуэт мужа. Непривычная к толчее Анна степенно сторонилась. Растекаясь по переулкам, толпа постепенно редела. Так и не встретившись с Гришко, Леся ускорила шаг и на перекрестке едва не столкнулась с шустрым велосипедистом, неожиданно выскочившим из-за угла. Ловко подсакивая на одном колесе перед одноклассницей, подросток демонстрировал свою удаль. Гурьба окруживших умельца дошколят ликовала от восторга, не замечая катящегося на них с другого переулка грузовика, водитель которого беспечно ковырялся в бардачке. Понимая, что избежать аварии все труднее, Анна отчаянно закричала, пытаясь привлечь внимание детей. Не на шутку перепугавшись, они вместо того, чтобы разбежаться, впали в ступор. Видя реальную угрозу, Леся бросилась к ребятам и буквально в последнее мгновение выбила из-под колес тормозящего, но продолжающего катиться по инерции автомобиля двоих малышей. Оступившись, она подвернула ногу и покатилась с горки вниз. От неожиданности и боли у нее потемнело в глазах, она схватилась за живот и жалобно застонала. «Помогите! – отчаянно закричал кто-то позади Анны. – Женщина рожает!» Шофер злополучного грузовика выскочил из машины и подхватил Лесю на руки. Она мученически улыбнулась и залилась слезами. Анна помогла дочери забраться в кабину и примостилась рядом. Глядя ее по руке, она без устали молилась. «Бог мне уже помог, мама», – шепнула в ответ Леся, с трудом сдерживая крик. Схватки становились все чаще. Водитель гнал машину все сильнее. В родильный дом они успели вовремя.

Все произошедшее потом промчалось перед Лесей как в тумане. Но отчетливо запали в душу слова акушерки: «Принимай, мамаша, свою цыганочку. По всему видать, в папашу». Уже в палате, приложив дочь к груди, она в отчаянии шепнула малышке: «Побелей скорей, моя смугляночка. Скрой от недобрых глаз мамкин грех».

Григорию о происшествии с грузовиком рассказали у входа в общежитие. Примчавшись в больницу, он увидел счастливое лицо Анны, в изнеможении рухнул на кушетку и горько зарыдал. Женщину это тронуло до глубины души. Лишенная заботы и внимания, она была бесконечно благодарна зятю за трепетное отношение к дочери, за чуткость, преданность и заботу. Присев рядом, Анна нежно потрепала Гришко по вихрастой голове. Тот затих и посмотрел с сыновней признательностью. «Все обошлось. Дочурка у тебя, родимый» – «Людмила. Милая людям, значит. Вы не против?» – «Как отец скажет, так и будет», – подыграла теща. Они обнялись и потом долго сидели молча.

Семь лет промчались для Леси как один день, счастливый и беззаботный. Она расцвела и, хотя немного погрузнела, обрела стать и уверенность в себе. Стоило красавице появиться в людном месте, мужики готовы были сворачивать шеи, а ей – все нипочем, никого не замечает. Словно приворожил ее безликий доходяга. Весь интерес – лишь дом, работа, дети. Разве кому расскажешь, что обжегшись на молоке, дуешь на воду? Вот Леся и не распространялась без нужды. Помнила, что Гришко прикрыл ее грех. В благодарность стала ему верной женой. Семья каталась как сыр в масле. Муж-бригадир – передовик, портрет на Доске Почета. За тру-

довую доблесть герою не только слава и уважение. Медалью наградили, трехкомнатную квартиру выделили. В семье лад-мир, покой, достаток. Ни тебе ссор, ни недомолвок. Дом – полная чаша. И что с того, что подруг-друзей – раз-два и обчелся? За какой такой нуждой семейным людям время даром тратить? Лучше лишний раз навеститься к родне. А что за глаза их кличут куркулями – не беда. Завидуют. Жаль, время быстро скорость набирает – из-за хлопот толком пожить некогда. Казалось, только вчера Мила сделала свой первый шаг, и вот уже всюю верховодит дворовой ребятней. Ей подражают белокурые двойняшки – сын и дочь – точная копия мужа. Живи – не хочу. Так ведь нет, не дает ее счастье покоя балаболкам у подъезда. Сидят себе днями напролет на лавочках и чешут языками. Словно нет у них ни дел, ни забот-хлопот. Кому какое дело, что Милочка не в мать, не в отца, а в заезжего молодца. Будто иных тем и проблем не существует. Полон двор других семей, так ведь нет – клином свет на них с Гришей сошелся. Благо, мужу нет дела до чужого трепя. Кивнет соседкам головой и – на работу.

Леся выглянула во двор – дочь резво состязалась на скакалках. Хорошо, подружка у нее на редкость славная – егоза Наташка, добрая, смышленная, озорная. Мать у нее – трудяга и молчунья. Растит девчонку одна и пашет в две смены. Такой лясы точить недосуг. Про подружек все говорят: не разлей вода. Пусть общаются на здоровье. Застенчивой Миле заводная Наташка только в плюс. Сменив халат на платье, она тщательно уложила волосы в пышную прическу, навела марафет и пересчитала деньги – через пару недель Мила идет в первый класс, пора делать нужные покупки.

Досужие соседки при виде боевого настроения Леси потупились и поутихли. Стоило матери с дочерью свернуть за угол, разговоры о том, что юная цыганочка не походит на отца-альбиноса вспыхнули с новой силой. От соседских пересудов у Леси всю дорогу чесалась спина, и горели уши.

Школьный базар пленил Милу своей пестротой. Хотелось стать счастливой обладательницей всего несметного богатства, но Лесин придиричивый взгляд поочередно отметал выбор дочери. Небрежно морщась, она дотошно выбирала детский ранец, жестко критикуя качество материала и убогость расцветки. Миле же, напротив, казалось, что все портфели необыкновенно хороши, а картинки восхитительно разнообразны. Наконец, выбор Леси пал на рисунок с героем из мультфильма. Девочке же хотелось яркой сказки и фейерверка. Она с невиданной прежде настойчивостью убеждала мать в правоте своего выбора и сделала-таки брешь в ее непробиваемой обороне.

– По мне, так лучше с чебурашкой, – попыталась возразить мать, проверяя прочность застежки. – Смотри, какой чудной и милый.

Малышка упрямо сжала губки и твердо возразила:

– Не хочу этого чудика. Купи с цветами и радугой!

– Тоже мне, принцесса на бобах! – вскипела Леся. – Все дети, как дети, а у этой, видите ли, художественный вкус.

– Художественный, – со знанием дела поправила дочь.

– Один черт!

– Молодец, Людочка, – похвалила выбор девочки продавщица, вручая покупку.

Светящаяся от счастья малышка с гордостью натянула ранец на плечики и потянула мать к прилавку с формой и школьными принадлежностями. На них обращали внимание – слишком уж контрастировали голубоглазая шатенка-мать и курчавая дочь-смуглянка с глазками-вишенками. Леся хмурилась и негодовала. Даже себе она боялась признаться, что недолюбливает дочь, поскольку яркая внешность Милы не позволяла забыть о горькой ошибке бурной молодости. Купив все необходимое, мать нетерпеливо подтолкнула Милу к выходу:

– Айда в сад за двойняшками, доморощенный мой Репин!

– Цветы забыли, – испуганно спохватилась дочь. – Без цветов в школу нельзя!

У входа на импровизированный рынок их перехватила постаревшая и осунувшаяся Анна с букетом гладиолусов в руках и радостно сообщила:

– Гостинцы дожидаются у дома. Соседи рассказали, где вы есть, – она поцеловала внучку и уточнила: – Как тебе, деточка, бабушкины цветочки? По душе ли?

Мила благодарно улыбнулась и прошептала:

– Ромашки с васильками были б лучше.

– Мы не колхозники, чтобы дарить учительнице полевые цветы, – укорила дочь Леся. – Идемте шибче, Ванька с Ленкой, поди, хнычут.

– А чем тебе колхозники не угодили? – нагнав, глухо уточнила растерянная Анна.

– Мама, культурные люди дарят модные красивые цветы.

– А твою бабушку в безвкусье упрекнули, – посетовала Анна.

– Мама! – урезонила ее Леся. – Не обижайся, но ты все же отстала от жизни.

– Да, где уж мне, до вас, городских, – только что не расплакалась гостя.

Но теплая встреча с двойняшками развеяла ее тоску. Искренняя радость малышни буквально окрылила бабушку. Анна с интересом расспрашивала внуков о житье-бытье. Те охотно делились сокровенными секретами и признавались в невольных шалостях. Ледок обиды растворился в детской теплоте, о размолвке с дочерью больше ничего не напоминало. Насторожил лишь нездоровый интерес к ней вездесущих соседок, при виде которых Леся гордо вскинула голову и заносчиво проследовала мимо.

– Мама, не раздави жука! – отчаянно выкрикнула ей вслед встревоженная Мила.

По бордюру возле туфель Леси полз огромных размеров диковинный жук.

– Фу! – на ходу брезгливо отбросила его мамаша. – Какая гадость!

Обескураженная девочка залилась горячими слезами.

– Ты злая, злая, злая, злая! – без устали повторяла она.

– Подумаешь, великая потеря, – пожалала плечами раздосадованная мать и, шлепнув дочку по губам, приказала: – Всем марш домой!

– Евдокимовна, погутарь маленько с нами, – пригласили старушки Анну.

– Недосуг ей бить баклуши! – обрубил разом Леся и с вызовом подытожила: – У нормальных людей не в пример вам забот полон рот.

Мать виновато улыбнулась, подхватила котомки и, поблагодарив женщин за сохранность, спешно засеменяла следом за дочерью.

– Эта Леська чисто цербер, – едко резюмировала дородная тетка, провожая ожесточенным взглядом молодую соседку.

– А мужик – чистое золото, – поспешила вставить подруга. – И детки славные.

– Правда твоя, Зоя, – нехотя согласилась собеседница. – А Людка вовсе тихий ангел. Только вот в кого пошла? Ни дать ни взять цыганочка.

– Мать сказала – в прадеда, который на войне погиб, – напомнила ей Зоя.

– Может, оно и так, – недоверчиво согласилась толстуха. – Чего в природе только не бывает. Вон у Байбачихи телка одноглазая случилась. Знать бы, к чему.

– К повышению удоя, – улыбнулась Зоя. – Бог одно отнимает, другое дает с лихвой. Ну, Настасья, пора мне ужином заняться. Увидишь Наташку – гони домой. Весь день голодной стрекозой летает. За такой разве углядишь? Что я ее матери скажу?

Настя сочувственно кивнула. Баба Зоя осмотрелась, но, не видя малолетней подопечной, засеменяла к дому. У тротуара притормозила выдавшая виды полуторка. Григорий на ходу выпрыгнул из кабины с полной продуктами авоськой. Поравнявшись с тучной Настей, деликатно поклонился и проскользнул в подъезд. Соседка проводила его взглядом, полным сожаления. У ее ног юлой завертелся цветастый мяч. Раздался звонкий детский смех.

– Здрасти вам! – озорная девчонка лет семи с волосами спелого льна, выбившимися из косичек, ловко присела рядом. – Теть Настя, куда девала бабу Зою?

– Здорово, Наташка, коль не шутишь, – потрепала ее по голове соседка. – Нешто ты опять по крышам гаражей скакала?

– Не-а, – девчушка натянула платье на разбитые коленки.

– Баба Зоя уже все глаза проглядела. Поспешай домой вечерять.

– Угу, – Наташка стала отбивать мяч.

– Куда детей свела намедни? Небось, на хуторское кладбище?

– Не-а, – расхохоталась непоседа. – Ходили купаться в карьер.

– А в совхозный сад за яблоками больше не лазаете?

– Мамка не велит, – печально вздохнула егоза.

– Ремнем досталось? – решила выведать соседка.

– За дело, – по-взрослому ответила девочка. – Она же волнуется.

– Ну и шустрик ты, Наташка. Беги домой, вон баба Зоя рукой машет.

Настасья взяла малышку за руку и едва ли не силком потащила домой.

После ужина Леся проводила мужа в смену и отпустила детей на прогулку. Приказав Миле не спускать глаз с двойняшек и не выходить со двора, она отправилась провожать мать и не могла представить, чем обернется ее недолгое отсутствие. Автобусная остановка была в двух кварталах, и буквально через четверть часа Леся вернулась к дому. Детей нигде не было. Встревоженная мать стала прочесывать соседние дворы и столкнулась с запыхавшимся мальчуганом.

– Теть Леся, ваша Людка расшиблась! – истошно завопил он.

Леся прислонилась спиной к березе, чтобы не упасть без чувств.

– Костик, где она сейчас?!

– В кочегарке! Она вслед за Наташкой на трубу полезла и свалилась!

Через мгновение испуганная мать была на месте катастрофы. Возле груды угля собралась изрядная толпа зевак. Все растерянно смотрели вверх. На ступенях кирпичной трубы достаточно высоко над землей тонкой плетью висела испуганная Наташа, лихорадочно цепляясь за металлические прутья. Ногами она безуспешно пыталась захватить нижнюю ступень, но детские сандалики скользили, и тело беспомощно срывалось. Мила в разорванном платье сидела на земле с расшибленными коленями. Рядом плакали Лена и Ваня. Леся подбежала к детям и дрожащими руками стала их ощупывать. Убедившись, что руки-ноги целы, она листьями подорожника остановила у Милы кровь и, глядя вверх, зажмурилась от ужаса и страха. В это мгновение Наташа не удержалась, сорвалась и, пролетев несколько метров, успела ухватиться за новую опору. Толпа очередной раз отчаянно охнула. Леся зажала рот, чтобы криком не испугать детей. Те были ни живы, ни мертвы, но смотрели на происходящее, не отрывая глаз. Мать прижала их головы к себе, надеясь скрыть ужасающий момент падения.

– Наташа, – спокойно обратился к девочке старый кочегар. – Ты только ладошки не разжимай, а ножкой ищи прутьики, но не спеши.

Проникшись его уверенностью, малышка послушно искала опору и, не найдя, отчаянно засопела. Ее пальчики слабели все больше, но упрямец мужественно кусала губки, пытаясь подтянуться. У основания трубы рабочие уже натянули брезент. Во двор въехала пожарная машина. Сидящий рядом с водителем мужчина попросил не включать сирену, чтобы девочка от неожиданности не сорвалась вниз. Наконец, она нащупала выступ и закрепилась, не зная, что делать дальше.

– Наташа, немножко передохни, но не оборачивайся, – продолжал руководить действиями малышки незнакомец. – Ты только держись покрепче и ничего не бойся.

К проказнице уже направили пожарную лестницу. Когда девочку сняли, ее ладошки онемели от напряжения, а лицо было белее мела. Она едва дышала, но с лица так и не сошла улыбка.

– Наташа! – подскочила к непоседе Леся с хворостиной в руке. – Щас получишь!

Вдруг она выронила прут и вскрикнула от боли. Стоящая рядом Мила, защищая подругу, укусила мать. Все рассмеялись, а Леся, не раздумывая, влепила ей оплеуху. Толпа осуждающе запротестовала. Не обращая внимания на реакцию окружающих, разъяренная мамаша потащила дочь за шиворот, приказав двойняшкам идти рядом. Но те, жалея сестру, гирями висли на руках Леси.

– Я с вами всеми дома разберусь! – в гневе пообещала мать.

С воем сирены во двор въехала машина скорой помощи.

– Где пострадавший ребенок? – выскочила из нее женщина в белом халате.

Все стали оглядываться – Наташи рядом не было.

– Не девка, а черт в юбке! – восхищенно усмехнулся старый кочегар.

– Я запрещаю тебе дружить с этой оторвой, – требовательно посмотрела на дочь Леся. – Чтобы духу ее рядом с тобой больше не было! – она присела, повернула к себе детское личико и строго помахала перед носом кулаком. – Ты меня поняла?

– Нет, – невозмутимо прошептала в ответ девочка. – Буду дружить!

В бессилии Леся осеклась – покорная Мила прямо на глазах превращалась в дерзкую упрямицу. Но как с этим бороться, она не знала – опыта и знаний не хватало...

Телефонный звонок вернул Лесю в реальность. Это был Григорий.

– Мать, как пойдешь Лельку из сада забирать, погуйтарь с воспитательшей. Шел вот мимо, все дети в песке роются, а наша на веранде глазки трет. Видать, стоит в углу.

– Нет с нею сладу, – согласилась жена. – Гриш, хоть она и Ленкина дочь, а бедокурит точно в Людку. Вчера разрисовала воспитательнице тетрадь с отчетом.

– Знатно хоть малует или балуется?

– Ой, Гриша, красиво, как в книжке. Софья Ивановна даже не обиделась. Сказала, новая художница в семье подрастает. Помнишь, как она Людку среди других выделяла?

Леся положила трубку, взяла с трюмо фотографии внуков, надела очки и стала рассматривать дорогие сердцу детские лица. Сходила в другую комнату за альбомом и стала бережно перекладывать пожелтевшие от времени снимки. Вот они с Григорием на крыльце роддома. На руках у счастливой Анны крошечный сверток. А вот Миле минул третий годок. Славная толстушка сидит в плетеном кресле на бархатной подушечке, подперев очаровательную мордашку крошечным кулачком, и недовольно смотрит в объектив. Развеселить ее тогда не удалось целой фотостудии. «Быть ей начальницей», – пошутил тогда старый мастер. Леся смахнула набежавшую так некстати слезу и перевернула следующий лист. Вот Григорий катает на себе двойняшек. Вот они идут в первый класс. А вот выпускной Милы и ее первенец. Фотографий со свадьбы дочери не нашлось: на скромной регистрации не оказалось никого из родных. Как давно это было и будто вчера.

Поговорив с матерью, Мила продолжила уборку, полагая, что домашние хлопоты отвлекут ее от воспоминаний. Но мысли, как назло, упорно возвращались в прошлое, которое она так силилась забыть. От переживаний по несостоявшейся любви раскалывалась голова, и горели щеки. Мила проглотила таблетку, охладила лицо ледяной водой и перечла сумбурное материнское послание. Отложив письмо в сторону, она распахнула дверцы бара. Уговаривая себя воздержаться, дрожащей рукой налила в бокал вина. Спасительная влага остудила пыл, но пробудила интерес. Мила принесла из кладовой комнаты альбом и, сама не зная почему, стала перебирать потемневшие от времени фотографии. Слезы застилали глаза. Вот две семилетние девчонки с битыми коленками, скорчив рожицы, застыли в обнимку у подъезда. Вот они, взявшись за руки, степенно идут в первый класс. Позже, смущаясь, гуляют под руку в

парке. «Наташка, – губы женщины невольно расплзлись в кривой усмешке. – Разошлись наши стезки-дорожки, а мать так и мерит меня по тебе...»

Кадрами из ретро-фильма ожила ее бурная юность.

Глава третья

...Подоспевшая перемена разом взорвала тишину. Старшеклассники сломя голову носились по школьным коридорам и штурмовали очередь в буфет. Самые отчаянные курили за углом школы. Модницы, сбившись в кучку, украдкой рассматривали журнал с новинками сезона. Отличницы зубрили материал, кто-то перекладывал содержимое портфеля или жевал бутерброды. Лишь Мила, склонившись над альбомом, с упоением рисовала барышню в балльном платье, вальсирующую в паре с гусаром. Приземлившийся на ее парту самолетик из тетрадного листа невольно отвлек от работы. По бумажному крылу неровно скакали строки мальчишеской руки. Мила поискала глазами автора послания. Симпатичный паренек с замиранием сердца прислонился к дверному косяку, ловя каждое ее движение. На мгновение Миле показалось, что она слышит бешеный стук его сердца. А, может, так оно и было? Или это ее сердечко отплясывало лихую кадрили? Девочка прочла записку. «Айда в кино. Жду на прежнем месте, ровно в шесть». Звонок не позволил озвучить ответ. Мальчишка исчез за дверью. За парту к Миле под села подруга.

– Наташка, прочитай-ка это чудо.

Та развернула записку и пробежала глазами текст.

– Какие могут быть сомнения? Иди! Генка отличный парень.

– Но я собралась на пленэр. Пошли вместе. Знаешь, как горят купола церкви на закате! Пока есть погода, не до свиданий – надо рисовать.

– Погода день ото дня будет все лучше – лето впереди. Так что иди, – настаивала соседка. – А завтра прогуляемся вдоль кладбища – за ним самая роскошная черемуха.

– Потом сбежим в карьер и на Форштадт? – съязвила Мила. – Мать снова заведется. Она еще от наших подснежников не отошла – я ведь потом неделю проболела.

– Не хочешь, можно на болото, – пожала плечами Наташа. – Но там к кустам надо идти по колено в воде. Никакой черемухи не захочется.

– Ты – прелесть! – обняла подругу Мила. – С тобой не загрустишь и не засидишься. На кой тебе черемуха, Натуля?

– Любимый мамин аромат. Летом подработаю и куплю ей такие же духи.

– Ты молодец: за мать в огонь и воду.

– Она же для меня в лепешку расшибется. Помнишь, когда мы были в школе, в магазине выбросили апельсины и давали по два кило в руки? Мама трижды отстояла, чтобы я отъелась от души.

– А нам отец два ящика подбросил – насилу одолели, а поблагодарить забыли. Ты, Натка, и дочка, и подруга – высший класс. Надо брать с тебя пример. Черемуха одобряется. Хоть и влетит мне дома с новой силой, но где наша не пропадала – веди!

Кладбищ Мила побаивалась. За черемухой отправились на болота. Как водится, промокли и в который раз простыли. Леся закатила матери Натальи очередной скандал. Та, не сдержав себя, прилюдно ударила дочь по лицу. Девочка покорно проглотила публичное унижение. Лишь Мила разрыдалась и обвинила обеих мам в чудовищной жестокости. Леся не поняла подобного протеста и закатила дочери скандал. Мила стоически выдержала объяснение. Дружба девочек закалилась и стала еще крепче.

Солнечный май радовал ранним теплом. Утопающий в облаке цветущих деревьев поселок отмечал праздник последнего звонка. Из репродуктора еще звучали трогательные школьные вальсы, педагоги и родители напутствовали выпускников, а в дальнем углу парка, по полуразрушенной беседке, метался возбужденный Генка. Нетерпеливым взглядом он сканировал сиреневую гладь аллеи. Сердце его учащенно билось не от пьянящего весеннего аромата, а от

длительного отсутствия Милы. Когда вдалеке появился ее стройный силуэт, парень бросился навстречу, пряча за спиной букет нежных нарциссов. Девочка, скрывая недоумение, растерянно прижала цветы к груди.

– Что-то случилось? – уточнила она, присев на край скамейки.

– Пошли в кино, там про любовь, – робко предложил Генка.

– Так пригласил бы прямо в школе!

Парень покраснел и опустил глаза.

– Там слишком людно, а у меня серьезный разговор...

– Ну? – поторопила девочка.

– Ты мне нравишься!

– Так это не секрет! – разочаровалась его признанием Мила.

Они уже с десятков раз побывали в кино и на разных танцевальных вечерах, но дальше разговоров по душам дело не двигалось, а Миле, как всякой романтической особе, хотелось, чтобы поклонник ясно обозначил свою позицию. Идя на тайное романтическое свидание, она надеялась на трепетное признание. Недогадливый паренек никак не мог собраться с мыслями и чувствами. Он краснел, бледнел, пыхтел, скрывая робость, и, наконец, решился выдать себя:

– Мила, я... кажется... влюбился.

Мила облегченно вздохнула – наконец-то свершилось. У многих скороспелых одноклассниц были официальные поклонники и отношения (Наташка не в счет, отличнице не до романов), а кое-кто из них даже целовался. Шушукаясь, девчонки делились секретами и с видами знатоков давали разные советы, посмеиваясь над обычной дружбой. Теперь Мила будет с ними наравне. В собственных глазах она разом перескочила на несколько ступенек вверх, потому с интересом ждала дальнейшего развития событий. Генка справился с волнением и потянулся губами к ее запястью. Девочка одернула руку. Цветы разлетелись. Оба покраснели и присели их собирать.

– А, может, тебе все только кажется? – как бы невзначай уточнила Мила.

– Нет! – решительно выпалил поклонник. – Давай не расставаться никогда!

Это был совсем другой подход. Вряд ли кто-то из ее соперниц получал подобное предложение. Самооценка Милы взлетела на недостижимую высоту. Может, она и впрямь неповторимая и единственная? Генка, конечно, не герой ее романа, но очень даже ничего. Весь параллельный класс по нему сохнет, да и ее одноклассницы заглядываются, а он выбрал ее, Милу. И пусть она не Прекрасная Елена, так ведь и он не мифический Парис. И живут они далеко не на Парнасе. Так что смело можно задрать голову и утереть нос его почитательницам. Значит, в ней есть что-то такое, чего нет ни у одной из этих девочек, рассудила Мила. Осознание того, что теперь она дама сердца едва ли не самого завидного жениха школы, кружило голову. Генка, отчаянно сопя, понуро ждал ответа. Мила, напротив, не спешила радовать его.

– Вместе навсегда! – чуть поразмыслив, степенно предложила она.

– До конца жизни! Обещаю, нас никто и ни за что не разлучит!

Объяснение скрепили нежными объятиями. В смущении поцеловаться не решились. Платонически-восторженная первая любовь пленила обоих и стремительно набирала обороты. На зависть чужим и знакомым девчонкам Генка сопровождал Милу в школу и изостудию, встречал после занятий, провожал до дома. Про местных Ромео и Джульетту судачил весь поселок. К середине лета Леся потеряла покой и сон. Ревностно наблюдая за развитием событий, она изматывала дочь необоснованными подозрениями и без конца страдала всевозможными последствиями, отыскивая повод разлучить подростков. Ближе к концу июля Генка потихоньку осмелел и, провожая Милу до подъезда, решительно прижал к стене. Подглядывающая с балкона Леся с трудом сдержала рев возмущения. К счастью, разъяснительные беседы не прошли бесследно: дочь повела себя благоразумно – решительно отстранила кавалера и скрылась в

подъезде. Тот пробормотал вслед что-то невразумительное и дал деру. Уверенности в том, что его ухаживания не пробьют брешь в обороне дочери, у Леси не было. Боязнь, что она повторит материнскую судьбу, преследовала постоянно. Утром Мила в компании двойняшек была сослана в село, под бдительный надзор бабушки. Теперь до конца каникул романтических свиданий можно было не опасаться.

На первосентябрьскую линейку Мила катастрофически опоздала. Вся школа уже томила в торжественном строю, когда она, загоревшая и еще больше похорошевшая, протолкнулась в свой ряд. Мальчишки не сводили с одноклассницы восхищенных глаз, но та, став вплотную к Наташе, по привычке не обращала ни на них никакого внимания. Девочки радостно обнялись.

– Ты чего так опоздала?

– Никак не могли с курорта выбраться – билетов не было.

– Счастливая. А я ни разу ни пальм, ни моря не видела. Какое оно?

– Мокрое, – отшутилась Мила. – Плещется туда-сюда. Приходи, покажу акварели, – участливо пригласила она. – А ты как время провела?

– Санитарила в больнице у мамы. Заработала на сапоги и пальто.

– Извини, – смутилась подруга, осматриваясь. – Генки что-то не видать.

– Его больше не будет. Отца перевели в область, на повышение. Он тебе вот это передал, – Наташа протянула письмецо.

– Потихе, девочки, – пристыдила их завуч. – Будущим выпускникам не пристало так себя вести. Какой пример вы подаете малышам?

Подруги беспрекословно замолчали. После линейки классная руководительница попросила Милу помочь в оформлении музея.

– Кстати, – акцентировала педагог, привлекая внимание школьников, – Люсины графические работы победили на республиканском изобразительном конкурсе. Скоро в школу передадут ее диплом, готовьте поздравления.

Одноклассники приветственно загудели. Но аплодисменты и расспросы Милу интересовали меньше, чем содержание заветного письма. Отстав от всех, она спешно вскрыла конверт. «Здравствуй, Мила! Хожу к тебе целыми днями напролет, но дверь никто не открывает. Ты все не возвращаешься, а у меня совсем не остается времени. Отца перевели на другую работу, и мы завтра уезжаем навсегда. Я буду писать тебе каждый день. Обещаю. Главное, чтобы ты отвечала. Договорились? Ты для меня по-прежнему самая талантливая и самая красивая девушка на свете. Помнишь мое обещание? Вместе до конца жизни! Согласна? Возражения не принимаются! Твой Геннадий». Из глаз счастливой девочки ручьями потекли слезы. Размазав их по щекам, она расцеловала промокший листок и бережно спрятала его в потайной карман.

В подъезде Мила первым делом проверила содержимое почтового ящика. Писем тогда и потом было много, они приходили с завидным постоянством. Генка с юмором рассказывал о новой школе, друзьях и городских достопримечательностях, уверял, что скучает и считает дни до зимних каникул, на которых он собирался вырваться на свидание к ней. Было даже назначено время и место – все тот же парк и старая беседка. Мила с энтузиазмом делилась содержанием сердечных посланий с Наташей, хранила драгоценную корреспонденцию в секретном месте и втайне от матери строчила пламенные ответы, благо карманных денег хватало не только на конверты и открытки. Любовь и осень окрылили и воодушевили ее. Девочка успешно освоила новую технику рисования, писала маслом, часами пропадая на природе. Преподаватели школы искусств были в восторге от плодов юношеского вдохновения. Картины Милы заметили признанные мастера кисти, они стали постоянными участниками солидных выставок. Появились первые публикации с хвалебными отзывами. В одночасье девочка стала гордостью школы и всего поселка, но относилась к свалившемуся на нее успеху как к чему-то само собой раз-

меющемся. Она не была честолюбивой – голова кружилась лишь от признаний далекого дыхателя.

Похолодало как-то незаметно. Ветра стали холоднее, листья на деревьях облетали стремительнее, а ответы приходили все реже. А когда выпал первый снег, почтовый ящик и вовсе опустел. Мила потеряла покой и сон, забросила учебу, строчила письма активнее прежнего, но восточек больше не было. Она похудела и подурнела, стала сторониться одноклассников и избегать единственной подруги. Наташа пыталась отвлечь страдалицу от тревожных мыслей, но та замкнулась и еще больше ушла в себя. Белый свет со всеми земными радостями стал девочке не мил. Леся загрузила дочь домашней работой, но ни дела, ни забота отца и привязанность двойняшек не могли заполнить сердечную пустоту. Первая любовь обернулась невосполнимой потерей и глубокой душевной раной. Сердце Милы разрывалось от боли. Казалось, предательство вдребезги разбило его. Не радовали ни грядущий Новый год, ни долгожданные каникулы.

Незадолго до праздника Григорий принес домой пушистую елку. Открыл дверь тихо, чтобы не слышали домочадцы. Дети втроем расположились за круглым столом. Мила смотрела в книгу скорее лишь для вида – ее мысли витали где-то в областном центре. Двойняшки, рассматривая «Веселые картинки», хихикали и негромко перешептывались. И хотя отец разделся быстро и не слышно, дом моментально наполнился ароматом хвои и морозной свежести. Первой в коридор выглянула Леся. Она хотела что-то сообщить, но Григорий приложил палец к губам. Жена хмыкнула и недовольно вернулась в кухню. Ваня втянул ноздрями воздух и покоился на девочек:

– Что за запах?

Мила не ответила. Лена отмахнулась:

– Мать пироги затеяла. С картошкой и грибами.

– Какая выпечка – тут лесом пахнет.

– Папка елку принес, – помчалась в коридор сестра и радостно повисла на отце.

Глаза Григория затянула поволока, он обнял младшую дочь. Ваня, еще не веря счастью, выглянул из комнаты и захопал в ладоши. Григорий вошел в зал, зажег свет, приподнял лесную красавицу и поинтересовался:

– Ну, как вам, дети, наша гостья?

– Во! – выставил большой палец Иван.

– Красавица! – поддакнула Лена.

– Пушистая! – безрадостно выдавила Мила.

– Людка, дети, бегом украшать елку! – приказала подоспевшая Леся.

Старшая дочь не отреагировала. Леся нахмурилась, готовясь разразиться каскадом упреков, но на выручку пришел отец. Он выставил перед ребятей коробку с елочными украшениями. Двойняшки наперегонки стали распаковывать игрушки.

– Погодите, крестовину подгоню, – со знанием дела остановил детей Григорий.

В дверь позвонили. Лена бросилась открывать.

– Кого там еще нелегкая принесла! – посетовала Леся.

– Людка, подь сюда! – позвала из коридора сестренка. – К тебе пришла Наташка!

– Чего стоять за дверью, пусть заходит, – добродушно пригласил Григорий.

– Спасибо, дядя Гриша, только некогда – нас с Милой в школе заждались.

– Голодную не пушу, – запротестовала Леся. – Пироги еще не поспели!

– Нам школьную елку наряжать велено, – осмелилась подать голос Наташа.

– Свою некому обрядить! – упрекнула хозяйка.

Наташа заглянула в комнату и засмотрелась на лесную красавицу.

– Какое чудо! – порадовалась она. – И такая высокая!

– А ваша маленькая? – беспечно уточнила Лена.

– У нас никакой нет. У нас некому в лес сходить, – смутилась гостя, пятясь назад.
– Ах, пенек я неотесанный, – вскочил Григорий и от досады выронил молоток и гвозди. – Не подумал про соседок, а они нас не раз выручали!
– Ладно тебе. Чай, Наташка не сирота, да и не дите – вон какая дылда вымахала! – шепнула в ухо жена. – Они с Настеной не первый год без елки обходятся! И ничего.
– Не переживайте, дядя Гриша, – подала голос Наташа. – Мы привыкшие.
– Без елки плохо, – огорчился Ваня. – Нам папка завсегда приносит...
– А у ней нету папки! – развел руками Григорий. – И сосед – балда!
– Па, а давай подарим Натке елку, а мы с тобой еще раз в лес сгоняем, – пришел на выручку мальчишка. – Мы же мужики – осилим.
– Ишь, чего удумал! – замахнулась полотенцем мать. – Я тебе отправлюсь в лес! Сын уклонился от удара и спрятался под стол. Из спальни вышла одетая Мила.
– Сказано – не пушу, – пошла в наступление Леся. – Останешься дома!
– А вот и нет, – в поисках поддержки взглянула на отца дочь. – Мы обещали классной украсить зал. Завтра у первоклашек утренник.
– Раз обещали, стало быть, иди, – по уму рассудил Григорий. – Детям без праздника никак нельзя, – он задумался и крикнул в сторону входной двери: – Бери-ка ты, Наташка, нашу елку. А мы с Ванькой и Ленкой снарядим новую экспедицию.
– Ура! – радостно запрыгали двойняшки.
– Не отдам! – шепнула грозно Леся, уцепившись за ствол.
Мила решительно выдернула из ее рук елку и направилась в коридор.
– Куда? – перегородила дорогу мать.
– У нас в доме два мужика, а у них – ни одного!
Леся попыталась возразить, но, глядя на сжатые кулаки и суровый вид мужа, ретировалась. Григорий кивнул сыну на топор и стал одеваться. Мила набросила пальто, повязала шаль и, выйдя за дверь, обняла плачущую на лестничной клетке Наташу. Отец помог спустить елку до нужной квартиры.
– Прости, Наташа, бабу непутевую, – извинился он. – Прими – от всей души.
– Нехорошо вышло, – смутилась девочка. – Мама будет ругаться, когда узнает...
– А ей знать ни к чему, – Григорий запнулся – комок подступил к горлу. – Скажи, сосед принес в знак благодарности. Кто уколы всей нашей семье ставит? Мамка твоя.
– Всему подъезду, – поправил Ваня.
– Всему дому, – уточнила Мила, прижавшись к отцовскому плечу.
Григорий благодарно улыбнулся и притянул к себе детей. Они так и стояли вчетвером, обнявшись, пока сверху не свесилась Лена.
– А вот и я, – радостно сообщила девочка.
Леся закрыла дверь за младшей дочерью, присела на обувную тумбу и расплакалась. Были это слезы раскаяния или жалости к себе самой, она не задумывалась.

До новогодних утренников в младшей школе остались считанные часы, и старшеклассники спешили превратить актовый зал в сказочную страну. Бойкая пионервожатая умело руководила процессом, направляя юношескую энергию в требуемое русло. Неразберихи и беготни не было – каждый знал, чем заниматься. Мила на сдвинутых столах неподалеку от входа дорисовывала огромный плакат с Дедом Морозом и Снегурочкой. Наташа, взобравшись на стремянку, поправляла елочные гирлянды. За ней следил высокий стройный парень. Заметив его влюбленный взгляд, наблюдательная пионервожатая пришла на помощь воздыхателю:

- Витя, время поджигает – помоги Наташе!
- Я справляюсь! – открестилась сверху та.
- Будет безопаснее, если мишурой займусь я, а ты поддержишь стремянку.

– А мне совсем не страшно! – возразила спорщица.

– Сказано же – не женское это дело, – одноклассник решительно подхватил девочку, бережно поставил ее на пол и птахой взлетел на ступени. – Подай мне парочку шаров, здесь, вроде, как-то пустовато, – кротко попросил он.

Наташа принесла и протянула ему украшения. Их руки нечаянно соприкоснулись. Оба от смущения покраснели. Пионервожатая украдкой улыбнулась:

– Натуля, ты у нас с кем на празднике снегуришь?

– С Витькой, – кивнула на блондина одноклассница.

– Вы классно смотрите вдвоем, – словно невзначай подметила девушка и предложила им пробежаться по роли. – Времени в обрез, а вдруг что-то забыли.

Новогодние костюмы преобразили ребят. С пушистыми бородой и усами Виктор будто повзрослел. Его ярко-красная шуба контрастировала с расшитым серебром васильковым нарядом Снегурочки, по мановению волшебной палочки превратившим Наташу в сказочную принцессу. Цвет убранства гармонировал с ее голубыми глазами.

– Да ты у нас просто красавица, – отойдя на расстояние, восхитилась пионервожатая. – Ну, Дед Мороз, признавайся, нравится тебе названная внучка?

– Еще как, – сознался Виктор. – Глаз не отвести!

– У тебя хороший вкус, – подмигнула ему девушка и обернулась к Наташе.

Та pokrылась пунцовым румянцем и выбежала из комнаты.

– Ты куда, чудачка? Стой! А что я такого сказала? – обратилась пионервожатая за поддержкой к Виктору.

Тот отчаянно развел руками и бросился следом.

– Ох, эта первая любовь, – мечтательно улыбнулась девушка.

Виктор нагнал Наташу у входа в актовй зал и, пытаясь объяснить, прикоснулся к ее руке. Девочка решительно запротестовала и с вызовом уточнила:

– Что ты ходишь за мной, как привязанный? Делать больше нечего?

– Влюбился... – с трудом выдавил из себя собеседник.

– Этого мне только не хватало! – опешила Наташа.

Не желая продолжать разговор, она исчезла в зале. Мила отвлеклась от рисования и внимательно изучила наряд Снегурочки.

– Тебе к лицу этот костюм, – оценила она, резюмируя: – Кой у кого поедет крыша!

– И ты туда же! – обиделась подруга. – Вы все что ли сговорились?

– С кем и о чем? – не поняла Мила.

Тыча пальцем в наручные часы, в зал влетела пионервожатая.

– Ребята, через полчаса утренник, а у нас тут конь не валялся! Девочки, подметите полы. Мальчики, срочно помогите Миле развесить плакат! – вернулась к руководству процессом она. – Наташа, Витя, марш в каптерку – дети не должны раньше срока видеть Мороза и Снегурку. Проверьте мешок с подарками, повторяйте сценарий и слова.

Праздник удался на славу и прошел на одном дыхании. Счастливая малышня активно пела и плясала, водила хороводы и радовалась общению со Снегурочкой, участвовала в конкурсах Деда Мороза и наслаждалась долгожданным подаркам. Педагоги и родители тоже не остались в стороне. Участие в театрализованном представлении скрыло от посторонних глаз напряжение, которое искрило между Наташей и Виктором. Парень ловил каждый взгляд партнерши, та тщательно избегала его повышенного внимания. Никто и не заметил, что между Дедом Морозом и Снегурочкой, как минимум, пробежала черная кошка. Когда зал опустел, завуч поблагодарила Милу за помощь в оформлении, а Наташу и Виктора за отличную работу, дала несколько полезных советов на следующее представление и отпустила ребят по домам.

Из школы вышли затемно. Подруги шли сами по себе, толкуя о своем, о девичьем. Виктор следовал несколькими шагами сзади, не решаясь присоединиться к их компании. Мила,

чувствуя его замешательство, искренне пыталась помочь однокласснику, отмечая все его положительные качества. Мол-де тот и отличник, и спортсмен, и музыкант. Но Наташа оставалась непреклонной:

- Через пару месяцев мы выпустимся, и о любви никто не вспомнит даже.
- Ты уверена?
- На все сто! «Все пройдет, как с белых яблонь дым...»
- Витька тебе совсем не нравится?
- Нравится. Как друг. А я жду любовь. И единственного в жизни человека.
- И долго ты будешь его ждать?
- Сколько понадобится.
- А как ты поймешь, что это именно Он?
- Еще не знаю, – пожалала плечами Наташа. – Наверное, просто почувствую.
- А если ты состаришься, а твой принц так и не появится?
- Значит, не судьба.
- И все?
- И все.
- Нет, Наташка, ты точно сумасшедшая.
- Твоя мать тоже так считает, – не стала возражать подруга.
- А ты ее больше слушай, – воспротивилась Мила. – Для нее весь мир с изъяном. Бабуля и отец – другие. Они добрые.
- Это точно. Они у тебя славные.
- Туся, ты ведь в курсе, что соседки в меня тычут пальцами, будто я не его дочь. И...
- Глупости! – не дала ей договорить Наташа. – Для них генетика – темный лес! Пушкин, например, пошел в прадеда. Вся Москва злословила, что мать его нагуляла.
- Ну, я не Пушкин, – возразила Мила. – Интересно, какими будут мои дети?
- Ого! Дети? И много их у тебя будет?
- Двое или трое. А у тебя?
- Я никогда об этом не думала, – призналась Наташа. – Рано еще...
- Пора! Нам скоро по семнадцать. Или ты замуж не собираешься?
- Пока не получу высшее образование, не вижу смысла.
- Одно другому не мешает.
- Я не хочу все делать в полсилы. Если учеба, то на все сто, если любовь, то до последнего вздоха, – подытожила девочка. – Но первым делом – диплом.
- Чудачка ты. Как же можно жить без любви? Я вот... – Мила вдруг расплакалась.
- Вестей так и нет? – посочувствовала Наташа.
- Совсем забыл.
- Может, просто болеет. А письма опустить некому. Он пишет их и складывает в стопочку, а потом разом отправит, ты еще замучаешься читать и отвечать.
- Ты – прелесть. С тобой легко, светло, надежно! – сквозь слезы улыбнулась Мила и обняла подругу. – Не скажу про любовь, а дружба – точно на века.

Зима тянулась бесконечно долго. Мила втайне ждала писем и весточек от Генки, в глубине души надеясь на чудо. Нарисовав по памяти его портрет, всегда носила с собой. Она была убеждена, что мир без любви рухнет с минуты на минуту. Разве можно радоваться жизни, когда она утратила все краски, став бездушной и безликой? Но часы складывались в дни, недели в месяцы, а ничего вокруг не менялось. За рассветом следовал закат, на смену холодам пришло тепло, вернувшиеся из жарких стран птицы вили гнезда и высиживали потомство. Жизнь продолжалась, как будто не было в ней боли и потерь. Солнце появлялось все чаще и грело все сильнее. От снега не осталось и следа. Непогода без боя сдавала завоеванные позиции, уступая

место ясным дням. Весна шагала по поселку, раскрашивая ветви деревьев и кустарников. В сердцах мальчишек и девчонок пробуждалось что-то волнующее. И только безучастная Наташа игнорировала ухаживания Виктора. Она штурмовала учебники, усиленно готовясь к школьным и вступительным экзаменам. Мила же все свободное время рисовала. Остановившееся мгновение влекло ее больше грядущих перемен. Время от времени подружки уходили к озеру, подальше от сторонних глаз, но все равно становились мишенью для соседских пересудов.

– Чтой-то Милка совсем с лица спала, – недоумевала Настасья.

– Анна обмолвилась, что и учеба у нее так себе, – посетовала баба Зоя.

– А на кой такой крале наука? – вступила в разговор Аксинья. – Людка мигом замуж выскочит. Любой утопнет в омуте ее вишневых глаз!

– И в кого только пошла? – провоцировала толстуха.

– Не наводи тень на плетень! Забыла, что Наташка про Пушкина сказала?

– Дите мне, Зоя, не указ. Она за подругу заступается. Чую, Леська не без греха.

– Чего ты вяжешься к соседке, Настя? Мужик-то ейный без претензий.

– Хочу вывести на чистую воду.

– Далась тебе Леська да Людка. Ты на Наташку посмотри. Она пока не оперилась. Через пару годков из нее царевна Лебедь вырастет, – поспешила сменить тему баба Зоя.

– Хорошая девка, – согласилась Аксинья, – Серьезная и внимательная.

– Отличница и на все руки мастерица, – поддержала Настасья.

Дни летели с космической скоростью. Но ни экзамены, ни выпускной бал настроение Милы не изменили. Казалось, оценки в аттестате и пошив наряда совершенно не интересовали ее. Леся не особо тревожилась за состояние и будущее дочери, поскольку преподаватели областного художественного училища расписывали ее перспективы в радужных тонах. Учеба же в областном центре для самой Милы была предпочтительна, прежде всего, возможностью разыскать канувшего в Лету Генку и желанием восстановить с ним отношения. Конечно, было б здорово, если рядом оказалась бы Наташа, но та собралась поступать в университет, а он располагался в трехстах верстах от дома. От неминуемой разлуки с Наташей больше всего страдал влюбленный в нее Виктор. Расстояние между Ленинградом, где находилось его военное училище, и республиканским центром, куда направлялась одноклассница, зашкаливало по километражу, а надежды на то, что девушка станет отвечать на его письма, были призрачными. Посредничество Милы успехов не принесло – подруга в своем отказе была категорична, полагая, что поклонник непременно встретит свою судьбу, но у нее будет другое имя. А если вдруг окажется, что пассия – Наташа, это будет обычным совпадением. Ни больше, и ни меньше. Сердцу не прикажешь.

Такое же настроение царило и на выпускном балу. Всех собравшихся потряс благородный поступок Виктора. Свою золотую медаль он, зная, что Наташа осталась без награды, прямо со сцены предложил вручить именно ей, убеждая аудиторию, что одноклассница более достойна награды. Педагоги и родители прослезились. Друзья лишь посочувствовали. Когда зазвучал прощальный вальс, Виктор решительно пересек зал и пригласил на танец мать Наташи, но и та не смогла обнадежить парня – изменить решение дочери было не в ее силах. Впрочем, женщина и сама была искренне убеждена, что для проявления чувств еще не время, главное в семнадцать лет – успешная учеба.

Подготовка к вступительным экзаменам дружбу девочек не умерила – занимаясь днями напролет, они находили время для прогулок и душевных разговоров. Июль пролетел незаметно, в августе абитуриенты стали разлетаться по избранным городам. Экзамены в большинстве своем сдали успешно и быстро вернулись в родные края, ожидая вызова на учебу. Готовясь к разлуке и самостоятельной жизни, клялись в вечной дружбе и потихоньку паковали чемоданы. Первой письмо счастья получила Наташа. До станции ее вместе с матерью прово-

жала и Мила. Подруги обнялись, прослезились, и поезд умчал новоиспеченную студентку в столичные дали. К концу августа поселок покинули почти все одноклассники. Мила каждый час проверяла почту, но ящик был безнадежно пуст. Даже Лесю охватила паника – на собеседовании педагоги хором заверяли, что проблем с поступлением у дочери быть не может. Григорий втайне от семьи съездил в область и убедился, что Мила зачислена. Письмо то ли потерялось, то ли задержалось. Получив на руки дубликат в официальном конверте, он, как положено, проштамповал его в городе и поселке и опустил в почтовый ящик. Радости Милы не было предела. Мать помогла ей собрать чемодан, отец вызвался проводить до училища.

В холле было многолюдно. Изучая списки, подходы к доске объявлений активно штурмовала молодежь. Первым делом Мила проверила наличие своей фамилии. Убедившись, что ошибки быть не может, она торопливо выбралась из толпы и бросилась на шею отцу. В это мгновение судьба обнадежила ее с новой силой. Казалось, билет в студенческую жизнь станет лотереей в волшебный мир искусства и поможет перевернуть печальную страницу из недавнего прошлого. Новизна и свобода непременно раскрасят ее пресную жизнь. В деканате Милу попросили заглянуть в студию Петра Кузьмича. Кто это, девушка не знала, но вернулась в приподнятом настроении. Опытный педагог высоко оценил ее творческие работы и предложил заниматься индивидуально.

- Небось, не за просто так? – заволновался отец.
- Мне это не будет стоить ни копейки! Мастер хочет набить мне руку.
- Я ему мигом рожу начищу, – запротестовал Григорий.
- Па, он натренирует руку, чтобы легче рисовалось.
- Тогда лады. В каких годах? Не больно ль молодой?
- Совсем седой. Старше нашего деда.
- Годится. Пошли глядеть, что там за хоромы в вашем общежитии.

Григорий, пряча слезы смущения, потащил дочь к выходу. Его распирало чувство отцовской гордости. Не терпелось поскорее добраться домой и порадовать Лесю.

Тесноватая комната на троих не вдохновила ни отца, ни дочь, но делать нечего – все приезжие жили в равных условиях.

– Продукты и вещи подвезу в выходные, – прощаясь, заверил Григорий. – И не ходи на занятия на пустой желудок, а то скоро совсем прохудисься.

Мила обняла отца и благодарно уткнулась в его грудь. Эмоции зашкаливали, слов не хватало, но и без них было ясно, как велика ее признательность. Григорий и сам едва сдерживал слезы. Тушуясь, он высвободился из объятий дочери и взмахнул на прощание.

– Папа,хвати краски, мольберт и кисти, – вдогонку напомнила Мила. – И папки, что лежат на антресолях. Только не перепутай: на антресолях, а не в кладовке.

Григорий поцеловал ее и поспешил в дорогу.

Вливаться в студенческие будни было непросто: не привыкшая к самостоятельности, Мила поначалу паниковала. Организованности и выдержки ей явно недоставало. Хронически не хватало времени ни на сборы, ни на завтрак. Она катастрофически теряла в весе и уже к концу первого месяца учебы напоминала выжатый лимон. Хотелось послать все, куда подальше, собрать манатки и вернуться в поселок. Плюс ко всему Петр Кузьмич изо дня в день ругал за несобранность и безответственное отношение. Но, глядя на результаты, педагог менял гнев на милость. Было видно, пусть с пинками, но студентка движется в требуемом направлении. Найдя в забытой Милой папке свой, выполненный карандашом портрет, старик был очарован тем, насколько колоритно и метко схвачены детали – глубоко посаженные с прищуром глаза, взъерошенные волосы, похожий скорее на театральный реквизит старомодный костюм-тройка. Задатки и дарование налицо. Технику он девочке непременно поставит, но в лидеры вряд ли выведет – Миле не присуще честолюбие. Порывистый характер, полное отсутствие

амбиции и элементарной усидчивости – гири, способные потащить ко дну нераскрывшийся талант. Рисование для нее не смысл жизни, а ремесло. Гением нужно родиться, а эту девочку при появлении на свет поцеловал не Бог, а только ангел. Большой художник из нее не выйдет, но на кусок масла к своему хлебушку она заработает без особых усилий. В конце концов, жить ей предстояло не на мифическом Олимпе. В повседневной жизни ремесленников многим больше, и каждый находит занятие по себе.

Видя, с каким упорством занимаются другие, Мила понимала, что прирожденный художник – это не про нее. Она легко схватывала и применяла в своих работах новую технику, но не была способна просиживать за столом или у мольберта дни напролет. Ей не хватало полноты жизни, ярких ощущений и всевозможных событий. Когда вокруг всего этого в избытке, а тебе без малого восемнадцать, обидно заикливаться только на учебе. Быть может, счастье где-то рядом, ходит с тобой по параллельным улицам, а ты никак не можешь повстречаться с ним. Мало-помалу втянувшись в рабочий ритм и, осознав, что на занятиях свет клином не сошелся, Мила решила разыскать Генку. Сотрудница киоска «Горсправки», выслушав просьбу, беспристрастно протянула листок и карандаш. «Напишите фамилию, имя, отчество и год рождения, – командным тоном приказала она. – Только разборчиво». Мила безропотно подчинилась. «Проезд третьим автобусом до остановки «Библиотека».

Мила долго ходила по дворам в поисках указанного дома. Дверь открыла дородная домработница с ведром и шваброй в руках.

– Кого тебе? – сухо поинтересовалась она, подозрительно глядя на непрошеную гостью. – Пал Петрович на дому не принимает, иди в горком.

– Мне бы Геннадия.

– Его нет, он в отъезде.

– А когда будет?

– Теперь только на каникулах. Он в училище поступил.

– В какое училище? – испуганно уточнила Мила.

– Ясное дело, в какое – в мореходное.

– А какой у него адрес?

– Не знаю, – пожалала плечами тетка. – Мне это без надобности. В Одессе где-то. Если хочешь точно знать, загляни к Зинке.

– К какой?

– Она здесь одна – в сороковой квартире. Его невеста.

Домработница бесцеремонно захлопнула дверь прямо перед носом Милы. Та от обиды и переживаний едва не задохнулась. Трясло так, словно она в легком сарафане проснулась в вечной мерзлоте. Отдышавшись, Мила справилась с волнением, поднялась этажом выше и осторожно вдавила кнопку звонка. Открыла миловидная, ладно сложенная блондинка, одетая дорого и со вкусом. Глядя на незнакомку с превосходством и явным непониманием, она нетерпеливо ждала объяснений. Миле стало неловко за свой более чем скромный наряд, она смущенно улыбнулась.

– Вы к кому? – поторопила Зинаида, демонстрируя отменный маникюр.

– Извините, я не туда попала, – сквозь слезы прошептала гостья и помчалась вниз.

Наступившая зима не добавила в настроение Милы мажорных нот. Одногоруппниц она упорно сторонилась, близко ни с кем не сходилась, задушевной подругой так и не обзавелась. Переписка с Наташей постепенно сходила на нет – однокласснице было не понять долгих страданий, ее сердце было свободно. Она с головой погрузилась в водоворот студенческой жизни, увлеченно писала об учебе и общественной работе и никак не могла взять в толк, почему подружке не мил белый свет. Как ни старались соседки по комнате, вызвать Милу на открытый разговор им не удалось. Девушки обиженно шушукались и крутили ей вслед пальцем

у виска, строя самые различные предположения. Поскольку явных признаков болезни они не находили, сошлись на версии о несчастной любви. Что же еще может выбить из колеи в семнадцать лет? И оказались правы: Мила считала дни до начала каникул и неминуемой встречи с Геннадием. Чтобы ожидание было не столь тягостным, взялась за учебу. После занятий одногруппницы бежали в столовую, а она, перекусив в буфете, спешила на этюды. Заметив ее в парке, Петр Кузьмич познакомился с новыми работами и остался доволен:

– Ну, ведь можешь же, Яремчук, когда захочешь. Молодец. Так держать!

Мила смущенно улыбнулась. Ей была приятна похвала.

– Ты много занимаешься и скоро перегонишь девочек с хорошей школой, – обнадежил педагог. – Вот только настроение твое меня тревожит. Ты здорова?

– Да, просто у меня творческий кризис.

– Вот оно как, – скрыл усмешку старик. – Чтобы такого сделать, дабы вдохновить тебя?

Может, пригласить в гости к Богдану Семенчуку. Знакомо тебе это имя?

– Народный художник? – изумилась Мила.

– Он самый. Мы вместе с Богданом Тимофеевичем в одном полку воевали, а теперь вот собираем материалы для выставки ко Дню победы. Хочешь посмотреть?

– Конечно, – согласилась девушка. – А когда?

– Часа через два, у меня сейчас занятия с третьекурсниками. Идет?

Не веря своему счастью, Мила кивнула.

В студии народного художника ее поразил творческий беспорядок. Впрочем, хозяин – барин. Кто знает, как выглядела бы ее мастерская, случись быть художницей с именем. Рассмотрев крупномасштабное полотно с батальным танковым сражением, Мила с интересом замерла у небольшого эскиза. Уставшая мать в наброшенном на обнаженные плечи пуховом платке спала, сидя за столом, а маленький сынишка старательно стирал ее поношенную гимнастерку. Комок подкатил к горлу – такая война не менее пронзительна, чем эпохальные бои. Семенчук внимательно следил за реакцией гостьи из-за стеллажа с лепниной. Заметив его, Мила стушеввалась.

– Ну, как? – поинтересовался старик, подойдя ближе. – Нравится?

– Не все, – честно призналась девушка.

Хозяин остолбенел и обернулся к другу:

– Ты видал, Петро, ей, видите ли, не все нравится!

Мила смущенно опустила ресницы. Щеки ее запылали румянцем.

– А ведь девчонка права: и мне не все нравится, – признался вдруг мастер.

– Люди, где вы? – прозвучал над их головой юношеский голос.

С перил лестницы свесилась кучерявая голова. Все, как по команде, посмотрели вверх. Молодой человек в морской форме вежливо поздоровался.

– Прошу всех к столу.

– Уже идем, Федя! – пробасил Семенчук и подмигнул Миле. – Приглашаю вас, юное дарование, на фирменные вареники. Надеюсь, хоть они вас не разочаруют!

– Спасибо, я не голодна, – открестилась девушка.

– Петруша, – нахмурился художник, переведя взгляд на педагога. – Ты кого ко мне при-вел? Потрудись объяснить юной леди, что в этом доме отказываться не принято.

– Пойдем, Мила, не обижай гостеприимных хозяев, – миролюбиво попросил Петр Кузьмич. – На свете нет ничего лучше Верочкиных вареников!

За столом в кухне царило оживление. Рисуясь, солировал Федор:

– ...и тогда к юбилею Победы руководство объявило конкурс на лучшую картину о войне.

Работу победителя грозился забрать в свою экспозицию городской музей. За три первых места полагался поощрительный десятидневный отпуск.

– Этот баламут еще в школе имел неплохие задатки, – с гордостью похвалился Миле дед, косясь на внука, и уточнил: – Надеюсь, ты не подкачал?

– А то! – зарделся юный живописец. – Моя работа – одна из лучших!

– Надо полагать, жюри было такого же мнения и аплодировало стоя? – иронично поддел старик.

– Не совсем! – принял вызов Федор и признался: – Критиковали сюжет! А про мазок и игру цвета ни полслова. Мол, огород с войной совсем не совместимы! – лукаво подытожил он. – Видели бы вы шедевры остальных...

На какое-то мгновение в столовой комнате воцарилась неловкая тишина. Мать Федора суетливо стала предлагать вареники.

– Успеется, доня, – остановил ее Семенчук, сверля взглядом внука. – Поясни нам, темным людям, что же в картине военного? В огороде была воронка, в него угодил неразорвавшийся снаряд или там сушились окровавленные гимнастерки?

– Это было кукурузное поле, над которым шел воздушный бой, – загадочно акцентировал курсант. – Я был уверен, жюри поймет мой намек на любимицу Никиты Сергеевича – царицу полей и огородов. Но, тонкий юмор не пришелся ко двору...

– Ты находишь это смешным?! – вскипел дед и резюмировал: – Мой внук стал конъюнктурщиком!

– Кем? – опешил Федор.

– Человеком, который пытается угодить другим, стараясь угадать их желания и сыграть на интересах общественного мнения. Кошунственно издеваться над тем, что свято! Я бы тебя вовсе лишил отпуска и отправил на гауптвахту!

– За что?!

– За отсутствие патриотизма!

– Не суди так строго, дед! Ты же не видел работу! Там есть и бой, и самолеты. Но, по мнению педагогов, они не крупные, а в картине мало динамики.

– Офицерам виднее – они, наверное, воевали, – осторожно вставил Петр Кузьмич.

– А я внук народного художника, и, наверное, тоже кое-что понимаю в живописи, – торопясь закончить мысль, выпалил Федор.

Семенчук укоризненно вздохнул и обвел присутствующих печальным взглядом:

– Вот именно, только кое-что, – с грустью констатировал он.

– Богдаша, мы все же излишне строги к нашей молодежи, – попытался разрядить обстановку Петр Кузьмич.

– Да, папа, – поддержала гостя Вера. – Федя еще юн и не научился понимать...

– А вот прикрываться именитым родственником научился! – нервно перебил ее Семенчук. – Опозорить деда-ветерана много ума не требуется.

– Я никогда не опозорю твое имя, – подал голос внук. – Если я не прав – прости.

– Вот это другой разговор, – сменил гнев на милость Богдан Тимофеевич. – Только, Федька, я так и не понял, за что же ты получил дополнительный отпуск?

– Так я ведь занял призовое третье место, – с радостью сообщил тот.

– Конец света, – изумился художник. – Критиковали, критиковали, а на пьедестал поставили? Чудеса. И за что только тебе дали бронзу?

– Так нас всего трое в конкурсе участвовало, – улыбнулся Федор.

– Ай да Федька, ай да сукин сын! – расхохотался вдруг дед. – Ну, ты, брат, даешь!

Все дружно рассмеялись. Мать с гордостью посмотрела на сына и подложила ему вареников. Она хотела погладить его по голове, но парень уклонился: «Не маленький».

– Может, и работа твоя попала в музей? – уточнил Богдан Тимофеевич.

– В какой-то степени. Велели передать мой шедевр в подшефный колхоз, он как раз по кукурузе специализируется, а мне поручили написать картину для клуба.

- Ты уж деда не подводи.
- И на сей раз обговори с ним сюжет, – вставила мать.
- Я еще всех удивлю!

Мила едва заметно улыбнулась хвастунишке. Это заметил Семенчук.

– Слава богу, наша гостья повеселела, – обрадовался художник. – А то все молчит и хмурится. А между тем Петруша убежден, у Люды твердая рука и острый глаз. И вообще, в последнее время она делает потрясающие успехи. Так?

Все с интересом посмотрели на девушку. Мила смутилась и едва не поперхнулась.

– До успехов пока далеко, – с трудом выдавила она. – Так, маленькие шажки.

– Похвально, похвально, – оценил ее скромность мастер и полюбопытствовал: – Ну-с, а как вам Верочкины вареники? Лучше, чем мои картины?

– Вареники славные, особенно с вишней. А вот с грибами у моей бабушки получаются вкуснее, – призналась гостья с таким простодушием, что все улыбнулись.

– Нет, Петро, это ни в какие ворота не лезет, – шутливо запротестовал Богдан Тимофеевич. – Что за молодежь пошла?! Верочка, на них ведь не угодишь! – с деланной строгостью заворчал он, подмигнув дочери.

Мила испуганно заморгала, боясь поднять глаза. Ей совершенно не хотелось огорчать именитого художника, тем более обижать милую и покладистую хозяйку дома. Но та шутливо погрозила отцу и пришла на выручку студентке:

– Хочу выведать секрет вашей бабушки. Подскажите, Люда, какими грибами начиняет тесто ваша бабушка?

– Белыми, их там тьма-тьмущая.

– Вот видишь, папа? Разве можно конкурировать с такой начинкой, ведь у нас под рукой одни лишь шампиньоны.

– А что это за грибы? – удивилась Мила.

– Они на клумбах растут, – с серьезным видом пояснил Федор. – В парке культуры и отдыха. И что удивительно: даже зимой под снегом не мерзнут. Кто хочет, тот и собирает. Я вот утром пробежался вперед грибников и принес целую корзину. Можем прямо сейчас еще раз проверить лучшие места. Как вам, Людмила, такая идея?

– Как-то не верится... – усомнилась девушка.

– Федя, – укорила сына Вера и пояснила: – Шампиньоны выращивают в специальных питомниках. Это нежные и деликатные грибы со специфическим вкусом.

– Да они просто безвкусные! – запротестовал Федор.

Мать в шутку хлопнула его по лбу. Молодой человек не обиделся. Напротив, перехватил ее руку и нежно поцеловал. Смущенная Вера зарделась от удовольствия. Мила засмотрелась на нее. В элегантном атласном платье, с пышной прической и едва заметными следами косметики на холеном лице женщина напоминала сказочную фею, добрую и очень заботливую. В этом доме ей все было в диковинку: уйма комнат и красота их убранства; тонкий вкус и манера общения хозяев. Атмосфера, в которой она росла, была многим проще. За столом домашней тесной кухни, как правило, обсуждались школьные проблемы детей, предстоящие покупки и соседские дразги. В лучшем случае – кулинарные рецепты, письма и подарки от родственников. У Семенчуков было иначе. Вроде, и говорили о насущном, но как-то доступно и по-доброму. Речь и кругозор новых знакомых были несравненно богаче. Чтобы не выделяться, Мила по большей части наблюдала и отмалчивалась. Вера поймала ее восторженный взгляд и доброжелательно улыбнулась в ответ.

– Ну, и кто мне поможет убрать посуду, чтобы подать чай? – игриво уточнила она, складывая тарелки горкой.

Мужчины как по команде опустили глаза.

– Я помогу, – с удовольствием вызвалась гостья.

В просторной кухне с дорогим импортным гарнитуром, от одного вида которого захватывало дух, хозяйка занялась мытьем посуды. Вручив Миле полотенце, предложила вытирать насухо. Вера говорила с девочкой, как с давней знакомой, легко и непринужденно, на равных. Казалось, они знакомы не час-другой, а целую вечность. Мила быстро освоилась и перестала комплексовать. Она охотно рассказала, где и на каком курсе учиться, узнав при этом, что Федор без пяти минут офицер-подводник, выпускается ближайшим летом и едет служить на Курилы.

– Приехал в отпуск, – не без гордости сообщила мать. – У курсантов так называются каникулы, и они начинаются раньше, чем в других учебных заведениях.

Мила встрепенулась – оказывается, Генка тоже мог уже приехать к родителям. Хорошо, что Вера затеяла этот разговор, а то бы она была не в курсе. Надо безотлагательно его навестить. Вспомнив про предателя, Мила потеряла нить разговора. Часы на стене пробили десять вечера. Гостья взволнованно вздрогнула:

– Простите, мне пора.

– А вы без всякого стеснения оставайтесь. Папа спит исключительно в мастерской. Петр Кузьмич наверняка составит ему компанию. А вам я постелю в гостиной – там никто не побеспокоит.

– Нет, спасибо. Я привыкла ночевать в своей постели.

– Я и сама такая, – улыбнулась Вера. – Тогда велю Феде вас проводить.

– Я сама доберусь! – запротестовала Мила, оглядываясь в поисках выхода.

– За грибы обиделись? Не стоит. Федор у нас шутник, – заверила мать, понизив голос: – У него сейчас кризис личной жизни – любимая девушка внезапно вышла замуж.

– Жаль, – искренне посочувствовала Мила. – Давно?

– Пару месяцев назад, когда сын был на практике.

– Он все еще переживает?

– Не знаю. Федя такой скрытный, он только вчера признался, – оглянувшись, шепнула Вера. – И говорил об этом уже с юмором. Хочется верить, перегорел.

– Разве предательство можно забыть?

– И не такое забывается. Время – лучший из докторов, детка. Когда Федин отец погиб, я думала – не выкарабкаюсь. Года три плакала, забросила сына, дом, друзей. Спасибо папе – поддержал и образумил. А сейчас я точно знаю, что нужно жить для тех, кто нам дорог. У меня семья, подруги, коллеги, – она с удовлетворением посмотрела на гору чистой посуды и снова предложила: – Может, все-таки останетесь?

– Спасибо, Вера Богдановна, но не стоит беспокоиться. Я лучше пойду – девчонки будут волноваться, они ведь не знают, где я. И не переживайте – я дорогу знаю.

– Ну, уж нет, – хозяйка обернулась и громко позвала сына.

Проводив Милу, она выглянула в окно. В свете фонаря Федор бойко гарцевал вокруг молоденькой студентки. Вера перекрестилась: «Пусть мальчик развеется».

Мила вышла во двор и оказалась главной героиней сказки под названием «Волшебная зима». Не отрывая глаз, она заворожено любовалась танцем пушистых снежинок, которые, тая, потешно щекотали нос. На мгновение ей показалось, что искрящиеся в лунном свете сугробы имеют очертания каких-то невероятно знакомых и одновременно фееричных предметов из далекого детства, благодаря которым в мире существуют чудеса. Она прищурилась и растворилась в мириаде призрачных огней. Федор недолго смотрел на зачарованную спутницу и, чуть выждав, колко уточнил, не попала ли ей в глаз соринка.

– Осколок зеркала в сердце тоже не застрял, – умерила его задор студентка.

– В таком случае тебя не унесут сани Снежной королевы, – подыграл Федор.

Милу задело, что он с поразительной легкостью, без особого на то позволения вдруг перешел на «ты». Она этого делать не собиралась – от острых на язык красавцев лучше дер-

жаться в стороне. К тому же девушка стеснялась своего старенького пальто и мечтала поскорее избавиться от одетого с иголочки провожатого.

– Вы правы, я воспользуюсь обычным автобусом. Провожать меня нет нужды, – тоном, не допускающим возражений, сообщила она.

– Вот как, – Федор поймал строптивицу за руку. – Мое мнение, видимо, не в счет?

– Каждый сам за себя, – высвободила руку Мила. – Прощайте!

– Да не обижайтесь вы за эти шампиньоны, – упал вдруг на колени Федор. – Шутка. Пусть и неудачная. Каюсь, – он уткнулся лицом прямо в снег.

– Приглядитесь, нет ли там подснежников, не одни же грибы откапывать, – не упустила случая отыгаться на шутнике девушка и посмотрела на часы. – Не подскажите, в какой стороне остановка?

– Не подскажу, – отряхивая с лица снег, заартачился провожатый.

Мила посмотрела на него с нескрываемым удивлением – такого ответа она явно не ожидала. Молодой человек беспристрастно улыбнулся и перешел на предельно вежливую форму обращения:

– Автобусы сейчас ходят редко. Ждать придется не менее получаса. Если вы очень торопитесь, стоит воспользоваться такси.

– Не вариант.

– За мой счет.

– Исключено!

– Можно срезать дорогу через парк – минут за десять доберемся до трамвайной и троллейбусной остановки. Там выбор шире. Как вам такое предложение?

– Принимается. Заодно наберем шампиньонов, – продолжила пикировку Мила.

– Дались вам эти грибы! Хватит дуться: ноги в руки и – вперед!

Мила поняла приказ буквально и прибавила ходу. Федор нагнал ее и попытался развернуть. Девушка решительно отстранила его.

– Вообще-то нам направо, – пояснил проводник, указав направление.

В парке было немногочленно. По ярко освещенной аллее редкие прохожие выгуливали собак. У засыпанного снегом фонтана целовалась влюбленная пара. Мила и Федор шли, не переговариваясь. Внезапно у ног девушки приземлился пробитый мяч. Мила хотела отфутболить его, но рядом с ней вырос огромный пес.

– Привет, – не растерялась она. – Хочешь поиграть?

Девушка легонько подтолкнула мяч. Овчарка поймала его, склонила голову набок и перекатила игрушку напарнице. Та захлопала в ладоши и похвалила: «Молодец».

– Пальма, ко мне! – раздался сзади строгий голос хозяина.

Собака схватила мяч и помчалась на зов.

– Смелости тебе не занимать, – отметил Федор.

– А мы уже на «ты»? – иронично уточнила полемистка.

– А ты возражаешь?

– Да.

– Причина?

– Мы видимся дважды: первый и последний раз.

– Возражения не принимаются? – Федор посмотрел на собеседницу с явным интересом. – Любишь все и всегда решать сама?

На скамейку рядом с ними приземлилась ворона и громко каркнула.

– Не подсказывай, – шутливо обратился к ней парень. – Обойдемся без советов.

Возмущенная птица заорала что есть мочи и перелетела на бордюр. Мила догадалась, что пернатая примеряется к корке хлеба возле ботинок Федора. Она улыбнулась и отвела собеседника в сторону. Ворона удовлетворенно крикнула.

– Пожалуйста, – ответила догада, устремляясь вперед, и бросила через плечо: – Хотелось бы все и всегда решать самой.

– Тогда давай встретимся снова, – предложил Федор.

– Земля круглая, – ускоряя шаг, не стала возражать Мила.

Парень наклонился, слепил снежок и хотел запустить им в спину девушки, но, боясь обидеть, швырнул в крикливую ворону. Птица подпрыгнула от возмущения и разразилась каркающей бранью.

– Сама такая, – огрызнулся Федор, нагоняя Милу, и предложил: – Мне было бы интересно продолжить наш спор утром. Завтра же выходной.

Возникла пауза – Мила не ожидала подобного развития событий и не была готова дать ответ. Взглянув на часы, она лишь ускорила шаг. Курсант бросился нагонять и предупредительно перешел на «вы».

– Спешите спасти мир?

– Через полчаса закроют общежитие! Не драться же мне с Тачанкой.

– От бронемашин или танка толку больше, – со знанием дела подсказал спутник.

– «Тачанкой» зовут вахтершу.

– Не женское, скажем прямо, прозвище. Считает все на своем пути?

– Строчит, как пулемет, а носится, как лошадь, – пояснила Мила. – Опоздал – ночуешь во дворе!

– Тогда вперед и с музыкой! – ускорил бег Федор. – Дворами минут пять хода.

– А бега?

– Итого меньше.

Они юркнули в подворотню. Через четверть часа молодые люди подбежали к общежитию. Тошная старуха, стряхнув с метлы снег, проверила работу засова.

– Здравствуйте, Раиса Захаровна, – кратко поздоровалась Мила.

– Твое счастье, Яремчук, что ты первый раз опаздываешь, – строго предупредила вахтерша, бегло оглядев Федора. – А то бы к сессии готовилась в сугробе!

Возражать было себе дороже, и девушка осторожно проскользнула в тамбур. Федор задержался, надеясь, что беглянка хотя бы кивнет на прощание, но она не посчитала нужным даже обернуться. Молодой человек счел ее поступок знаком свыше – каникулы длинные, времени укротить строптивницу предостаточно. А коль скоро точка в отношениях не поставлена, вполне уместно потешить собственное эго.

Январские холода Милу не огорчали. Соседки по комнате разъехались на выходные по домам, стало быть, можно заниматься, не вылезая из теплой постели. Повторив билеты, она отложила учебник и сладко потянулась. В дверь резко постучали: «Яремчук! Лети вниз – к тебе жених приехал». Спешно натягивая брюки и свитер, Мила светилась от счастья. Интересно, откуда Генке известен ее адрес? Наверное, съездил в поселок и узнал у родителей. Теперь все будет хорошо. Он покается, она простит, и, как в старые добрые времена, роман продолжится в письмах. Лето они проведут тоже вместе. А что будет потом, загадывать не стоит. Не зря же мать твердит: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Она нынче ученая: не собирается смешить ни Создателя, ни Генку, ни саму себя. Мила прихорошилась и нетерпеливо выглянула в окно. У входа в общежитие с тремя гвоздиками в руках маячил Федор. Девушка разочарованно присела на кровать. Не его она ждала этим морозным, ясным утром. Прятаться не имело смысла – упрямец от задуманного не отступится. Но и торопиться не было резона – никуда этот Федор не денется. Мила позавтракала, привела себя в порядок и спустилась.

Небольшая прогулка по городу окончательно взбодрила. Пара продрогла и, чтобы согреться, заглянула в краеведческий музей. Милу заинтересовала экспозиция животных родного края, а Федор заметил знакомые картины. Стенд о Богдане Семенчуке был внуши-

тельных размеров. Внук с интересом вчитывался в строки биографии и изучал юношеские фотографии деда – таким он его не помнил и не знал. Он так увлекся, что не заметил прихода Милы. Она на носочках сделала несколько шагов и бережно коснулась мундира ветерана. Кто бы мог подумать, что у милейшего балагура столько боевых наград! Девушка осторожно вставила в карман гвоздики. Федор благодарно улыбнулся, а смотрительница в умилении смахнула слезу: как правило, в зале с документальными материалами задерживались только организованные группы, и эти серьезные молодые люди почтительным вниманием к земляку растрогали старушку до глубины души.

На улице Федор предложил Миле перекусить и, не надеясь на согласие, приготовился к длительной осаде гордочки. На удивление, она не стала возражать. Правда, лад длился недолго – пикировались весь обед. Федору нравилось, что Мила не лезет за словом в карман и не кокетничает. Как человек, не лишенный вкуса, он заметил в девушке массу достоинств. Точеную фигурку и колдовской разрез карих глаз, например. Но это был взгляд художника – сердце юноши по-прежнему было занято. Мила тоже не брала нового знакомого в расчет и коротала с ним время исключительно между зачетами и экзаменами. Однокурсницы завидовали и откровенно недоумевали, как тихоня Яремчук умудрилась подцепить такого завидного кавалера. И было невдомек, что перед ними не влюбленная пара, а друзья по несчастью. К моменту студенческих каникул отпуск Федора подошел к концу. Провожать его пришли дед, мать и Мила. Уже с подножки тронувшегося поезда курсант таинственно выкрикнул: «Напишу! Попробуй не ответить!». Мила по привычке улыбнулась. Богдан Тимофеевич и Вера изумленно переглянулись. А девушка только в общезитии поняла, что ни разу так и не вспомнила про Геннадия. Разыскивать его больше не имело смысла. Да и не хотелось.

Мир за окном заново обрел все цвета радуги – откровенно бушевала весна, ярко светило солнце, призывно звенела капель. Правда, в аудитории художественного училища акценты были несколько иными. Строгая холеная дама, степенно расхаживая вдоль кафедры, монотонно излагала наискучнейшие вехи истории коммунистической партии. «Таким образом, и низам и верхам стало ясно, что Октябрьская революция неизбежна. Партия большевиков решила не терять драгоценного времени, справедливо полагая, согласно тезисам Владимира Ильича Ленина, что «промедление смерти подобно...» Соседки сосредоточенно строчили, конспектируя глубокие мысли вождя, а Мила, забравшись на последний ряд, отстранено перечитывала письмо Федора. «...этот музей точно для тебя – сплошная классика без ноток современности. Вероятно, служители данного заведения не в курсе, что за окнами бушует XX век с каверзами искрометного авангарда. Но самое знаменательное событие последних дней, а быть может, и всей предстоящей жизни не имеет ни малейшего отношения к живописи в частности и искусству как таковому в целом: нам довели перечень гарнизонов, где нашего брата-офицера уже заждались отцы-командиры. Было бы удивительно, если бы эти забытые богом, но не нашим славным руководством точки оказались рядом с домом. По удивительному стечению обстоятельств их местонахождение измеряется тысячами километров от цивилизации и весьма затруднительными для проживания климатическими условиями. В скором времени мне, вероятно, предстоит ближе познакомиться с культурой и бытом народов Крайнего Севера. Впрочем, если маман вынудит деда выхлопотать мне местечко потеплее, вероятность нашей встречи возрастет в разы...» Звонок прервал преподавательницу на полуфразе, а Милу на полуслове. Девушки незамедлительно засобирались, Мила не спеша сложила письмо.

– Счастливая ты, Людка, – вздохнула одна из соседок, когда аудитория опустела. – Твой парень так часто пишет. Наверное, любит и жизни без тебя не представляет?

Мила загадочно улыбнулась. Может, солгать, заверив, что так оно и есть? Не зря же ей завидует полкурса. Чуть помедлив, она с грустью призналась:

– Мы обсуждаем в основном живопись и искусство, – но вовремя отступила, решив не развенчивать сложившийся миф. – А о любви читаем между строк.

– А без сложностей никак?

– Много ты понимаешь в любви, – усмехнулась Мила.

– Много не много, а книги читаю и кино смотрю.

– Смешная ты, ведь в жизни все иначе.

– А ты странная, – обиженная однокурсница резко встала и поспешила к выходу.

Мила проводила ее задумчивым взглядом и присела на подоконник. Развернув письмо, она решила следовать собственному совету и заглянуть между строк. Результат, похоже, обнадежил. «...Спасибо, что не забываешь моих. Деду очень понравились твои последние акварели, а мама в восторге от расписанной тобой доски. Они говорят, что у тебя тонкий вкус и незаурядные способности. Глубже развить эту тему мы сумеем совсем скоро, летом. Надеюсь, последний из беззаботных отпусков, подарит много позитивных моментов, поскольку грядущая армейская служба настраивает далеко не на лирический лад...» Некогда разбитое Генкой сердце было реанимировано и трепетно забилось с новой силой. Кто знает, может, ее судьба – говорливый, но даровитый Федор. Покладистым его не назовешь, но и в надежности не откажешь. В паре с таким и дальний гарнизон совсем не приговор. Надобно засесть за кулинарные книги – его мать готовит отменно. Отставать негоже. В мечтах о будущем дни таяли, словно мороженое на солнце.

Весна промчалась быстроногой ланью. Сессию Мила сдала на одном дыхании. Ее творческие работы снова были замечены и отмечены. Стоило ли удивляться – любовь вдохновляет и воодушевляет. Окрыленная эпистолярными намеками, Мила считала дни до отпуска суженого. Защита курсовой работы тоже прошла блестяще. Гордости Петра Кузьмича не было предела: картина Милы успешно прошла конкурсный отбор на всесоюзную выставку молодых художников. Однокурсницы начали разъезжаться на каникулы. Мила не спешила паковать чемодан. В общегитии отыграли первую свадьбу. Разглядывая наряд невесты, Мила рисовала в воображении собственное торжество. Никакой пошлой традиционности. Ее празднику будет присущ тонкий вкус и благородный изыск – избраннице внука народного художника страны пристало блистать. Никаких кукол, лент на бампере и традиционной фаты. Строгое, но элегантное платье с воздушным шлейфом, нежный веночек из садовых ромашек в прическе, сережки непременно из живых цветов, букетик белоснежных колокольчиков в руках и ажурные перчатки. Последний атрибут обязателен и обсуждению не подлежит. Такого изысканного наряда ни у кого еще не было. На зависть всем она и здесь будет первой. Мила нашла карандаш и тщательно прорисовала каждую деталь. День клонился к вечеру. Пора было идти на встречу с Верой Богдановной – близился юбилей ее отца, приходилось планомерно обходить комиссионные магазины. Выбрать подарок народному художнику было архисложно. И дело было вовсе не в недостатке средств. С ними проблем как раз не было. Главная задача – угодить вкусу мастера – казалась недостижимой. Дорогие безделушки Богдана Тимофеевича откровенно раздражали, а выбрать достойный подарок никак не получалось. За долгие годы жизни художник окружил себя всем необходимым и любую новизну принимал в штыки. Дочь которой месяц ломала голову. В этом деле Мила не могла быть советчиком. Она покорно сопровождала будущую свекровь, вежливо поддерживая беседу. До приезда Федора оставались считанные дни. Внук обещал устроить деду долгожданный сюрприз. Сердце Милы билось в трепетном предчувствии. Она позвонила домой и намекнула родителям на возможный приезд именитых гостей и связанные с ним приятные неожиданности. Дочь просила так же узнать, найдется ли время у лучшей портнихи района, чтобы выполнить срочный заказ. Леся не на шутку разволновалась и собралась в дорогу. Григорий с трудом удержал ее, заверив, что Мила – девочка обстоятельная и с бухты барахты не доставит им неприятных проблем. Пришлось поверить ему на слово.

Миле не нравилось, что вход в общежитие был украшен в гавайском стиле. Безумно яркие цветы невольно чередовались с огромными разноцветными шарами. Она предпочла бы умеренные народные мотивы, но времени на подготовку к свадьбе было катастрофически мало, и соседки пошли по пути наименьшего сопротивления. Рулоны гофрированной цветной бумаги оказалась дешевле других аксессуаров и легко поддавалась рукоделю. В холле играл магнитофон. Дефицитные записи зарубежной эстрады Милу тоже раздражали, но однокурсниц это, похоже, совсем не смущало. Они лихо отплясывали в ожидании приезда жениха. Тачанка с букетом цветов в руках потешно пританцовывала и ежеминутно выглядывала на улицу. Мила смотрела на часы. Родители опаздывали, и она боялась, что они растеряются в незнакомой толпе. «Едет! – радостно сообщила вахтерша. – Девочки, задайте жениху жару!» У крыльца затормозила украшенная свадебными ленточками машина с куклой на капоте. Милу перекосило – почему все закикливаются на элементарных атрибутах. При виде молодого человека с лентой «Свидетель» через плечо она спряталась в комнате. В холле началось волнение. Подружки невесты дружно загородили вход. Парень протянул им коробку конфет.

– У нас знатный купец. А у вас, говорят, ладный товар. Не покажете ли?

– За просмотр деньги берут, – пошли в атаку барышни.

– Нет проблем! Берите! – парень достал из кармана горсть пятаков.

– Наш товар куда дороже! – хором пропела толпа.

Свидетель протянул им коробок от леденцов с монетами большего достоинства.

– Мало! – запротестовали студентки.

При виде рубля девушки оценивающе переглянулись, но не отступили с завоеванных позиций. Молодой человек вернулся к машине, открыл багажник и достал увесистый холщевый мешок с монетами. Девушки, приседая под тяжестью дара, расступились. Юноша шагнул в холл и оглянулся в поисках невесты.

– И где же ваш товар, красны девицы?

– А где ваш купец, добры молодцы?

– Купец в машине, – парень кивнул в сторону улицы.

– Товар в комнате, – девушки указали на дверь. – Отдадим лично в руки!

Дверца машины открылась, из нее появились ноги в щеголеватых лакированных туфлях. Свидетель улыбнулся в ожидании ответных действий. Подруги невесты распахнули дверь в комнату, где за воздушным тюлем спиной к гостям стояла невеста. Приятель жениха удовлетворенно потер руки и залихватски свистнул. Под звуки импровизированного свадебного марша с огромным букетом и коробкой конфет в холл вошел жених в натянутой по глаза шляпе мушкетера, скрывавшей его лицо. Мила дала знак соседке. Та подтолкнула дверь, и она захлопнулась. Невеста спряталась за штору, на ее место встала подруга. Жених осторожно постучал. Дверь медленно приоткрылась. Молодой человек чинно снял шляпу, приблизился к избраннице, приподнял фату и изумленно ахнул. Вместо суженой перед ним была другая. С криками «Выкуп» девушки в холле завизжали от восторга. Парни из группы поддержки новобрачного выставили на стол несколько бутылок шампанского. Тачанка принесла поднос со стаканами. Из магнитофона зазвучал марш Мендельсона. Подружки хором стали скандировать: «Люда! Люда!» Мила одернула штору и подтолкнула невесту к выходу. Под крики «Горько!» молодые поцеловались и направились к машине. Время регистрации поджимало, опаздывать в ЗАГС не хотелось. После их отъезда веселье продолжилось. Танцуя, студенты пили шампанское и закусывали конфетами. Заметив у входа родителей, Мила бросилась к ним. Тачанка угостила Лесю и Григория шампанским. Те вежливо отказались.

– Вещи за колонной, – грустно сообщила Мила.

– Слава богу, едем домой! А то я грешным делом подумала, что это твоя свадьба, – смахнув со лба пот, призналась мать.

– Может, и нам пора ждать сватов? – пошутил Григорий, но, видя, что настроение дочери не располагает к веселью, обнял ее и подхватил чемодан.

Мила попыталась улыбнуться, но не сумела сдержать слез. Леся вывела ее на улицу и обняла. «Тебя кто-то обидел? – с угрозой в голосе наседала она. – Назови имя. Мы с отцом мигом разберемся». Григорий сочувственно посмотрел на дочь. Мила взяла себя в руки и выдавила затравленную улыбку:

– Я по дому и всем вам соскучилась.

Мать недоверчиво свела брови и посмотрела ей в глаза.

– Людка, не ври! Может, в какую беду угодила? Выкладывай, как на духу!

Страх, что дочь по неопытности могла залететь, неотступно терзал Лесю с той минуты, когда Мила стала на крыло. И если в школе ситуацию удавалось держать под контролем, после поступления в училище могло произойти все, что угодно. Воображение использовало только черные краски. Дочери Леся не доверяла. Взвинтив себя, она секундой уверовала в то, что Мила беременна и в беспомощности ломала голову над тем, удастся ли скрыть ее бесчестье от досужих глаз. Как по-тихому избавиться от ребенка, Леся не представляла и терзалась от предчувствия неминуемой катастрофы. «В сплетнях захлебнешься, позора не оберешься. Замарала дочь семью, вовек не отмывься», – стучало в висках. Вся жизнь Леся безуспешно пыталась вытравить из памяти свое прошлое, но от соседских пересудов отмахнуться не получилось, подозрения перешагнуть не удалось. И вот, как снег на голову, новая напасть. Как справиться с неожиданной бедой? Как пережить дочерний позор? Не зря же Людка в трубку белугой ревела, просила ее поскорее домой увезти. Знать, тяжел и велик ее смертный грех. Тут уж не до дипломатии и сантиментов. Леся грозной ведьмой зыркнула на дочь. Мила знала, в моменты гнева милосердия или поддержки от матери не дожидаться, а потому откровенничать не собиралась. Григорий, предчувствуя развязку, стал между ней и женой. Сколь Леся скоро на расправу, он знал, как никто другой, потому взял сторону Милы. Худо девочке, сразу видно. Ни к чему прежде срока трепать ребенку нервы. Дома надобно разбираться, вдали от людских глаз, а не посередине улицы, на виду у всех. Дать дочь в обиду он не позволит! Какой никакой, но отец. Вот и станет горой. Боевой настрой мужа слегка отрезвил и умерил пыл Леси.

– Не беспокойся, мама, все в порядке, – с трудом выдавила из себя Мила.

– Все? – категорично уточнила мать.

– Все! – отрубил Григорий. – Нашла место закатывать истерики. Едем домой!

Мила напряженно выдохнула и взяла отца под руку.

– Тоже мне Макаренко! – обиженно упрекнула Леся. – Посмотрим, что ты скажешь, если она в подоле прине...

В ярости Григорий бросил чемодан и развернул жену к себе.

– А ты ударь, ударь, – испуганно отступила она.

– Мама, папа! – сквозь слезы простонала Мила. – Вам не о чем беспокоиться!

Дочь покачнулась и едва не лишилась чувств. Григорий подставил ей плечо и крепко обнял. Глядя на Лесю, он в отчаянии шипел. Шепот отрезвил сильнее крика боли. Леся опустила глаза, схватила Милу за руку и потащила ее к остановке. Григорий обмяк, подхватил чемодан и засеменил следом. Долго сопротивляться жене он не умел. В плен Лесе он безоговорочно сдался много лет назад, будучи несмышленным водовозом, и по-настоящему противостоять ей так и не научился. Тогда, на лугу, его, парализовав волю, словно заколдовали: Леся была, есть и будет его единственной любовью. Жизнь доказала, что спорить с ней или переубеждать бессмысленно. Силы придавала преданная любовь Милы. И кто бы на что не намекал, разуверить его в том, что они с дочерью духовно и душевно близки, было невозможно. С первой минуты ее появления в доме Григория озарил и согрел внутренний свет. Между ним и дочерью образовалась нерушимая связь. И никому, даже Лесе, было непозволительно повышать голос на Милу. Жена быстро поняла и приняла правила игры и, скрывая свое отчуждение

к дочери, испытывала лишь чувство благодарности. Должен же быть у дочери ангел-хранитель. Нет ничего плохого в том, что им окажется Григорий. Ее преданность мужу не знала границ, но компенсировать отсутствие любви не могла. Леся не терзала себя сомнениями, догадывается ли о раздоре в ее душе Григорий. Не то что бы ее это не волновало, просто разбираться в нюансах чувств ей было не дано. Но зато она умела заботиться. И делала это лучше других. Жаль, что старшей дочери этого казалось мало. Она из года в год отдалялась и замыкалась в себе. В переходном возрасте девочке особенно необходимы понимание и поддержка матери. Но круговорот домашних дел не позволяла им сесть и поговорить по душам. Леся была не в курсе девичьих проблем и секретов, не знала, какими интересами живет Мила. Казалось, все еще можно наверстать. Вот приедут они домой, выкроют минуту-другую или выберутся в село к матери, и она непременно расскажет дочери о темном пятне в своем прошлом, удержит ее от совершения ошибок. А та поймет и не осудит. Но месяц за месяцем разговор откладывался. Может, нагрянула безотлагательная пора? Как бы Людка не наломала по неопытности дров.

За два часа в автобусе не проронили ни слова. При посадке Григорий кивнул жене на место в другом ряду, а сам сел рядом с Милой и время от времени гладил ее холодную ладошку. В ответ дочь благодарно сжимала его пальцы и никак не могла взять в толк, почему чужой по крови человек стал ей ближе и роднее собственной матери. В том, что фактически Григорий не ее отец, она уже давно не сомневалась. И искренне жалела, видя, насколько безответно его глубокое чувство. Разобраться, отчего сердце матери закрыто для любви, ей оказалось не по силам. Миле было неизвестно, какой пресс прошелся по материнскому прошлому, но она видела, что этот давящий аппарат не оставил в женской душе ничего живого. О мучившей мать тайне она могла лишь догадываться. Но не видела даже намек на предпосылку к тому, чтобы Леся разоткровенничалась. Наверное, пока не время. Вот она и не замечает, что на душе у дочери скребут не домашние, а очень даже дикие кошки. И раны от этих следов – не пустяшные царапки.

Аккуратные корпуса зданий военного госпиталя затерялись среди вековых дубов. Окна палаты Богдана Тимофеевича выходили в старинный парк. Смеркалось. Тишину за окном робко пронзила волшебная трель. Мгновением позже прозвучала чарующая ария. Соловей? Семенчук открыл глаза и даже привстал, погрузившись в водоворот колдовских звуков. В сорок пятом в чешской Сливнице прооперированный советский полковник несколько недель кряду наслаждался соловьиными концертами. Вокруг грохотали бои, а неприметные с виду птицы часами соревновались в певческом искусстве. Наверное, искали себе пару. Война тому не помеха. Утром и на закате они устраивали настоящие музыкальные баталии. И непременно солировали, ведь песню любви нельзя исполнять хором. Может, и потому тоже его восстановление шло рекордными темпами: раненое сердце стало биться как по нотам. Но без профессионализма опытного хирурга чуда бы не случилось. Даже много лет спустя ведущий кардиолог республики, наблюдая народного художника, отдавал должное мастерству полкового медика. Соловей за окном призывно ожил. Семенчук откинулся на подушки и приготовился выслушать концерт. Дверь с мерзким скрипом отворилась. Кому там занемоглось сломать гармонию полифонии? В палату осторожно вошла дочь и неслышно присела на краешке кровати. Богдан Тимофеевич демонстративно закрыл глаза. Вера тяжело вздохнула.

– Папа, поговори со мной, не держи боль в себе – это опасно для здоровья.

– Самая большая опасность для моего здоровья – тайная женитьба горячо любимого тобой сына, – сурово возразил отец.

– Федор еще и твой внук.

– Знать его больше не желаю! Что это за скоропостижная секретная свадьба, на которую нельзя пригласить ни мать, ни деда? А как прикажешь объяснить это безобразие Людочке? Она же нам как дочь стала! Зачем было давать девочке надежду?

– Папа, с Людмилой я поговорила и постаралась все объяснить...

– Изволь объяснить и мне. Коротко, но ясно!

– Оля развелась. У сына был единственный шанс забежать в ЗАГС за один день.

– А Федька у нас орловский рысак?

От безысходности дочь зарыдала. Старик нащупал ее руку и нежно сжал ладонь.

– Папа, я знаю только это. Позавчера вдруг позвонил и сообщил, что женился.

– Чтобы ноги его не было в моем доме! – потребовал старик. – Проклинаю!

– Папа, не говори так – грешно ведь.

– А предавать не грех?

– Но он еще почти ребенок.

– Нет, он – мужчина! Советский офицер! Но при этом – сукин сын! Я в его годы... – старик закашлялся. – Будет служить на Севере – никаких ближних округов! – отец стал задыхаться, и Вера испуганно позвала на помощь.

В палату вбежала медсестра со шприцем.

В Верхний Стан добрались ближе к ночи. Обнявшись с матерью, Леся беспомощно расплакалась. Анна обняла ее и кивком головы подозвала Милу. Внучка тяжело вздохнула и скрепя сердце приблизилась. Анна обняла их двоих. Младшие брат с сестрой не знали, как себя вести, и, безмолвствуя, переглядывались, сидя на диване. Григорий подмигнул им и кивнул на накрытый стол.

– Это кто же приготовил все эти вкусности?

– Мы с бабулей! – с готовностью выкрикнули подростки.

Мила обернулась к двойняшкам и улыбнулась. Те сорвались с места и повисли у нее на шее. Сестра открыла чемодан и достала подарки.

– Вертолет! – не поверил своему счастью Иван.

– Медвежонок! – прижала игрушку к сердцу Алена.

– Раздачу слонов перенесем на потом, – подытожил отец. – Страсть как хочется поесть.

Все моем руки и – марш за стол!

– Лесины работы по телевизору показывали, – радостно сообщила Анна.

– Баба Зоя сказала, что Людка у нас талант! – поддержала внучка.

– А кто-то еще сомневается? – с интонацией отца, подыграл ей братишка.

– Когда я ем, я глух и нем! – с показной строгостью резюмировал Григорий, подкладывая

Миле кусочек курицы посочнее. – Подивитесь, какая у меня дочь уродилась.

– Будто она только твоя, – с показной обидой благодарно откликнулась Леся.

– Наша! – с полными ртами засвидетельствовали двойняшки.

– Наша, – с нежностью повторила Анна. – В газете ее тоже нахваливают.

– Где? – оглянулся Григорий.

– На телевизоре! – хором отрапортовали младшие.

– Ты ж моя кровинушка, – умилился отец.

Мила благодарно прислонилась к его плечу. Незаметно смахнув слезу, Анна подвинула зятю миску с салатом и любимыми котлетами. Она не знала, как иначе выразить ему свою признательность.

– Спасибо, мама, что уважили, – расчувствовался Григорий. – Завтра отнесу газету на работу. Пусть знают, какая у меня дочь!

– А в пятницу едем на море! – заерзал на стуле Иван.

Воспользовавшись тем, что Леся занялась мытьем посуды, Анна взяла газету и незаметно выскользнула за порог. На лавочке во дворе восседала привычная троица. Настасья при виде гостьи оживилась. Анна развернула газету и, ткнув пальцем в нужном месте, с нескрываемой

гордостью протянула ее закадычным подружкам. Баба Зоя протерла очки и вслух зачитала: «... Приятно удивила членов комиссии работа Л. Яремчук «Портрет ветерана». Молодой девушке удалось удивительно точно и проникновенно выразить глубину и боль переживаний участника далекой войны. Как приятно, что советская студентка в совершенстве постигла науку чуткого и бережного отношения к нашей памяти! Ее успешно преподают в республиканском художественном училище с его давними и славными традициями. Из стен этого учебного заведения выпущено множество талантливых живописцев и скульпторов. Среди них – три народных художника СССР, два лауреата Государственной и пять лауреатов республиканских премий, а также Герой Социалистического Труда. Людмила Яремчук не просто впитала в себя восхитительный дух творчества своих наставников, она обогатила его силой молодости и крепостью мировоззрения убежденной комсомолки. Циклом графических работ юного мастера «Вальс Победы» открывается всесоюзная выставка молодых художников. Пожелаем же талантливой современнице новых творческих успехов!»

– Дюже мудрено написано, – вздохнула неугомонная Настасья. – Но по всему видать – молодец ваша Людка.

– А про Наташку слышно что-нибудь? – присев, поинтересовалась Анна.

– Отличница, передовица учебы, – не без гордости сообщила баба Зоя. – Про нее даже передачу по радио сделали.

– И за границу на конкурс какой-то отправили, – подсказала Аксинья.

– На Всемирный фестиваль молодежи и студентов, – заученно повторила баба Зоя.

– О как! Как бы Наташка там любовь с негром не закрутила, да не нарожала б нам шоколадных деток. Ищи-свищи потом блудливого папашу, – с откровенным намеком поддела Настасья и покосилась на вздрогнувшую Анну.

– Не плети ерунды! – сплонула через плечо баба Зоя. – Наташка наша – кремень. На абы кого не поведется.

– Твоя правда, – заступилась Аксинья. – Умница она. Нашему Жорику так складно литературу сказывала, что он взялся за ум и принялся книжки читать. Хорошая из нее выйдет школьная наставница. А твоя внучка будет учить рисованию? – обратилась она к притихшей Анне.

– Еще и черчению, – предположила та. – А, может, станет художницей.

– Разве ж это профессия? Картины малевать – дело нужное, но нешто этим прокормишься? – заартачилась Настасья. – Не уважаю я тех, кто работать не любит.

– Хорошо рисовать – совсем не просто, – возразила ей Анна. – А так, чтобы людям понравилось, да в газете пропечатали – и вовсе единицам под силу. Милочка, бывает, так заработается, поест некогда. Хороший художник всегда на кусок хлеба заработает.

– Блажь это, а не работа, – взяла сторону подруги Аксинья.

– Для любой девочки главная профессия – удачно выйти замуж и стать хорошей женой, – как отрезала Настасья. – Как там ваша Людка, свадьбу еще не затеяла?

– Рано ей еще, – Анна спрятала газету в карман фартука и суетливо встала. – Что-то я засиделась с вами, а у меня стирки полон дом, – и она быстро засемила к подъезду.

– Поспешай, пока не попала под горячую руку своей Лесе, – безжалостно прокомментировала ее уход Аксинья и развернулась к бабе Зое. – Наташка что ли снова в колхоз подалась? Работящая девка, вся в мать. И чего ей дома не сидится? Людка вон ни в какие стройотряды не рвется, лежит себе на диване и картинку малюет.

– Так ведь кто матери акромья Наташки подсобит? – вздохнула соседка. – Говорит, надо заработать на новые одежки, а то другие девчата сильно модные ходят. Не может Наташка позволить себе сидеть на материнской шее.

– Удалась, так удалась! – быстро согласилась Аксинья. – Как в той сказке: «И умом, и всем взяла». Вся в мать. Оно и Людка тоже в Лесю – скрытная, чужая. Как ни крути, а в тихом болоте...

– Далась тебе эта Леся!

– Не родятся от осинки апельсинки! – стояла на своем старуха.

Анне было обидно слышать за спиной, мягко говоря, недружелюбные комментарии. Но плетью обуха не перешибешь – по всему видно, не сошлась с людьми и не прижилась в поселке ее дочь. Она плотно прикрыла дверь подъезда и поднялась в квартиру. Леся гремела посудой в кухне и, похоже, не заметила отсутствия матери. Григорий в детской шумно кувыркался с двойняшками. Женщина положила газету на телевизор и только теперь заметила свернувшуюся калачиком Милу. Внучка уткнулась лбом в спинку дивана и, чтобы не реветь в голос, в отчаянии кусала угол подушки. Анна села рядом и легонько коснулась подрагивающих плечей юной страдальцы. По спине Милы пробежала дрожь, она судорожно всхлипнула и затихла. Бабушка укрыла ее теплым пледом и нежно погладила по голове. Ласка из детства заставила Милу расплакаться по-настоящему. Ей так не доставало тепла и понимания. Болезненный ком сковал горло Анны. Слова давались с трудом.

– Больно? – только и смогла выдавить она.

Внучка повернулась и прижалась лицом к теплым нежным ладоням:

– Буся, я не хочу ехать на море. Пусть они сами едут, с двойняшками, без нас.

– Пусть. Скажем, что ты отдохнешь у нас с дедом. В деревне тоже хорошо.

– Мать не отпустит, – горько вздохнула Мила. – Орать будет.

– А я скажу, что мы с дедом по хозяйству не справляемся. Да и за Галюниными сорванцами мне одной не усмотреть, – Анна бережно погладила внучкину ладонь. – Что приключилось, касатушка моя?

– Бусенька, – подхватившись, обняла ее Мила. – Федя уехал к месту службы, так и не заглянув к своим, не встретившись со мной. Не пишет, на мои письма не отвечает.

– Может, боевая тревога случилась, и его срочно вызвали? – Анна достала из кармана фартука леденец. – Хочешь сладенького?

– Не хочу, – захныкала внучка. – Вера Богдановна тоже про военную необходимость говорит. Почему-то адрес не дает – говорит, секретная информация.

– Стало быть, так и есть. А чему тут удивляться? Ты же с детства любишь сказку про военную тайну. В ней с Мальчишом столько всяких напастей случается...

Мила подняла голову и внимательно посмотрела ей в глаза.

– Ты что-то знаешь? Да? – предположила она.

– С чего ты взяла? – Анна хотела встать, но девушка удержала ее.

– Ты что-то знаешь! – утвердилась в своей догадке она. – Что? Лучше скажи.

– Донечка, – собралась с духом бабушка. – В жизни ведь всякое бывает...

– Не юли! – потребовала Мила. – Он в беде? Он стал инвалидом? Мне неважно – я от него не откажусь, буду ухаживать. Лишь бы был жив!

– Жив, жив, что с ним, окаянным, станется? Позабудь про него, ластонька.

– Забыть? В своем ли ты уме, бусенька?! Знаешь, какой он замечательный?! Добрый, умный, честный, внимательный... Любовь наша такая...

– Не любит он тебя, Людочка, – старушка на всякий случай крепко сжала ей руки.

– Ты что такое говоришь? Ты же ничего не знаешь! Он мне такие письма пишет!

Анна решила не тянуть резину и рубанула по живому.

– Женился он. Понимаешь, доня?

– Как это? – нервно рассмеялась Мила. – Что за бред ты говоришь?

– Правду я говорю, – обняла ее Анна. – Третьего дня звонила Вера Богдановна. Просила тебя подготовить...

- Подготовить к чему? – со слезами уточнила Мила и закричала: – К смерти?!
– Да что ты такое говоришь? – зажала ей рот бабушка и взмолилась: – Тише, детка, соседи услышат – потом разговоров не оберешься.
– Ну и пусть слышат! – внучка спрыгнула с дивана и в отчаянии затопала ногами. – Пусть все слышат: я не хочу жить!
– Людочка, побойся Бога! – Анна подбежала к внучке и молитвенно сложила руки. – У тебя еще все впереди!
– Что у меня впереди? Снова предательство? Надоело! Я не хочу так жить! Не хочу! – упав на пол, она стала биться в истерике. – Я больше никому не верю! Никому!
Мила подхватила, распахнула дверь и буквально сбила с ног мать.
– Подслушиваешь? – зло выкрикнула она. – Будь спокойна – я не беременна. Он просто бросил меня! Твоя дочь никому не нужна! – девушка нервно расхохоталась.
– Бросил? Это пока не горе. Главное, все живы и здоровы! – запротестовала Леся.
– А что если мне не нужна такая жизнь?! Плохо мне-э-э! Бед-а-а-а!

Мила сползла по стене на пол и заголосила от бессилия. Из детской выбежал возбужденный Григорий, за ним выскочили перепуганные двойняшки. Катаясь по полу, Мила то рычала, то скулила побитым псом. Глядя на отчаяние сестры, дети в голос заревели. Леся в ужасе зажмурилась и заткнула уши. Григорий схватил графин и несколько раз кряду выдохнул воду на плачущую ораву. Анна побелела и с трудом нащупала стул. В доме воцарилась тишина, изредка нарушаемая всхлипыванием Милы.

– Беда, когда родных хоронишь. Я с трех годков без мамки и отца мыкаюсь! – взревел вдруг он. – Беда, когда товарищи в забое гибнут, а жены и дети потом голодают.

Мила подняла на него глаза и затихла. Григорий передал графин жене и присел рядом с дочерью. Та доверчиво посмотрела в его глаза.

– Предал тебя твой Федор! Факт. А ты не реви. На нем свет клином не сошелся. Войны нет, никто не помер – прорвемся. У тебя есть мы. Вон нас сколько! Выдюжим.

Он кивком головы поманил младших детей. Двойняшки примостились рядом с Милой. Леся поставила графин на пол и подползла к ним. Анна вышла из зала, присела напротив Григория и тихо прошептала: «Спасибо, сынок». Из его глаз покатались скупые слезы. Леся уголком фартука бережно вытирала их. Придя в себя, она села рядом, нащупала руки мужа и поднесла их к губам. Дети смотрели на родителей широко распахнутыми глазами. Эта трогательная немая сцена стала им хорошим уроком...

В дверь позвонили. Мила вздрогнула и машинально вытерла слезы. Кто бы это мог быть? Без предупреждения приходил только муж. Но у Саши свои ключи. Она посмотрела в глазок. На площадке стояли подростки. Мальчик и девочка. Мила открыла.

- Мы больше не будем засорять ваш почтовый ящик, – пообещал паренек.
– Простите за неудобства, – со слезами на глазах добавила сестра.

Мила вспомнила, что дети растут без родителей и откровенно нуждаются, и ей стало их бесконечно жаль. Она что-то невнятно промычала и потянулась за кошельком. Желание помочь сиротам было искренним порывом. Пятитысячная купюра вызвала у подростков недоумение и беспокойство. Они наотрез отказались брать деньги и убежали. Мила посмотрелась в зеркало и снова расплакалась. Поморщившись от внезапного толчка в области сердца, остро ощутила недостаток воздуха и выбежала на лоджию. Москва плавно погружалась в роскошный вечер. То там, то здесь вспыхивали фонари уличного освещения, в домах по соседству светлели окна. Тихим шелестом автомобильных шин напоминал о себе соседний бульвар, легкой рябью мерцала излучина реки. Жизнь переходила в новую плоскость. Мила не помнила, как долго она так простояла. Придя в себя, поежилась от холода и только сейчас поняла, что озябла. Вернувшись в дом, сварила кофе, погасила свет и застыла с дымящейся чашкой в руках. Из

оцепенения ее вывел телефонный звонок. Мила вздрогнула и не сразу поняла, где находится, а, вернувшись в реальность, долго оглядывалась в поисках мобильного.

- Привет, ма. Не разбудил?
- Тема, ты? – обрадовалась Мила. – Как дела?
- Все путем. А у вас?
- У нас тоже нормально. Ты в увольнении? Откуда звонишь?
- От знакомых.
- Ты у кого-то в гостях? Один или с Тошкой?
- Один. Я на свадьбе. Мы сегодня Лешку женим.
- А не рано? – спохватилась мать.
- Кто бы говорил! – рассмеялся сын. – Забыла что ли ваш с папой роман?
- Забыла, – призналась Мила. – И как, весело у вас?
- Веселее, чем в училище. А у тебя голос грустный? Опять с отцом поссорилась?
- Что ты, сынок. Просто бабушке позвонила, детство вспомнила.
- Передавай бабуле привет. Скажи, летом мы с Тошкой к ним с дедом нагрянем.
- А домой? – насторожилась Мила. – Домой что ли совсем не приедете?
- Ма, надоели эти города. На простор хочется, искупаться, позагорать.
- Так у нас за городом и бассейн, и речка, и лес.
- Ма, ты не обижайся, но у них там веселее. И готовит бабушка о-го-го как.
- Тема, ты что-то не договариваешь? – всхлипнула мать. – Ты на нас в обиде?
- Ма, не надо слез, – голос Артема потонул в хоре громкой музыки. – Все, танцы начались.

Целую! – перекрикивая слова песни, пробасил сын и положил трубку.

Мила заварила свежий кофе, утеплилась и вышла на лоджию. Лунная дорожка скользила по Москве-реке серебристой змейкой. В отражении нависшей над ее берегами многоэтажки светились редкие окна. Это и понятно: обитатели элитных квадратных метров жили преимущественно за городом. В хорошую погоду в своих городских квартирах они ночевали лишь в случае крайней необходимости. Мила включила свет и разыскала фотографии сыновей. Окунувшись в прошлое, она остро ощутила тоску и одиночество. Избавиться от них привычно помогала крепость градусов.

Утро не принесло радости. Мила поскользнулась на пустой бутылке и едва не расшиблась. Чертыхаясь, она посмотрелась в зеркало. Изображение было привычным – отекающее лицо, опавшая косметика и порция новых морщин вокруг заплывших глаз. Де жа вю. Тихо скрипнула входная дверь – вернулся муж. Александр на носочках прокрался в гостевую комнату. Мила усмехнулась и бесшумно перешла в гостиную – ей не хотелось, чтобы муж видел ее в момент, когда она не в форме. На полу валялись разбросанные фотографии. Поднимать было лень. Ногой она отбросила их в сторону и окунулась в негу дивана. Расслабиться не получалось: из-под ковра выглядывал портрет улыбающейся Наташи. Распахнутые миру глаза некогда любимой подруги не давали покоя. Пришлось-таки встать. Разрывая изображение в клочья, Мила полагала, что этим захлопнет дверь в болезненную юность. И с какой стати она должна барахтаться в омуте болезненных воспоминаний? Жила же беззаботно столько лет, не думая про всяких там Наташек. Вроде, она тоже обосновалась в Москве? Небось, сеет разумное, доброе, вечное где-то за МКАДом, да мается по съемным углам. С ее-то честным мужем на хоромы не заработаешь. Мила отшвырнула обрывки фотографий – с глаз долой и с сердца вон. Не полегчало. Что за напасть? Проблем выше крыши, а голова забита мыслями о прошлом.

Глава четвертая

Наташа, разгружая спину, потянулась. От работы слезились глаза и немели кончики пальцев. Хотелось размяться и позволить себе небольшой перерыв. Она погасила монитор компьютера и встала. Солнце по-хозяйски расположилось на просторной лоджии, заманивая в хоровод своих лучей. Уютно расположившись в плетеном лежаке, она доверила лицо нежному теплу. Легкий ветерок пробежал по кронам дворовых деревьев и переметнулся на огненные купола соседней церквушки. Москва разрасталась прямо на глазах. Не так давно их район был тихой парковой зоной, а нынче, пережив строительный бум, превратился в площадку для экспериментальной архитектуры. По соседству с их старинным кварталом незаметно, как грибы после дождя, выросли, скорее, даже вымахали, замысловатые башни и зеркальные корпуса в стиле современного конструктивизма. Нельзя сказать, что затейливые чудеса точечной застройки уродовали городской пейзаж, но стать своими в череде творений сталинской эпохи им не удалось. Шумные гипермаркеты, обросшие безразмерными стоянками, и всевозможные развлекательные центры, безнадежно опустошающие карманы и счета москвичей, привлекательности не добавляли. И хотя каждая из современных построек имела индивидуальное лицо и определенные преимущества, назвать их хотя бы привлекательными язык не поворачивался. Но и сказать, что они уродуют пейзаж, было бы несправедливо. Жаль, что в угоду им уничтожены гектары зеленых посадок, которые многие годы называли легкими города. Микрорайон утратил что-то неуловимо притягательное, относящее его к разряду простых человеческих радостей. Случись герою бессмертной рязановской комедии возвращаться из бани в наши дни, он ни за что не заплутал бы в этом архитектурном многообразии, а потому не встретил бы женщину своей мечты. Впрочем, современные лукашины рассекают на джипах размером с вагон и сначала зарабатывают деньги на квартиры для дам своего сердца, а уже потом женятся...

– Угощайся, – сын поставил перед ней корзину клубники.

– Откуда эта роскошь, друг мой Миша?! – восхитилась Наталья.

– От поклонников в обмен на автографы, – он сел напротив и угостился.

– Я серьезно.

– Я тоже. Кто, как не папа, твой самый преданный читатель? Ты же знаешь, он встает с первыми петухами и успевает проскочить до рынка, чтобы порадовать любимую жену натуральными вкусняшками.

– А если серьезно? Ведь папа в Фарнборо.

– В Ле Бурже. В туманном Альбионе салон пройдет в следующем году. Новости можешь не смотреть – я сбросил тебе ролики с Инета. Отец там, как киношный 007.

– Бабушка просила переслать ей телесюжет о награждении в Кремле.

– Там про отца совсем чуть-чуть: наши герои – медиаперсоны. Ученые так, с боку припеку. Но я подобрал ей кучу фотографий. Кстати, ягоды именно от нее, – сын протянул книгу и ручку. – А автограф для Аськиной мамы – ты ее кумир.

– Так и подписать «Аськиной маме»?

– Можно адресно, Нине Викторовне. Кстати, по какому случаю вдруг выпал уикенд? Никак закончила роман? Нести шампанское? Клубника как раз рядом.

– Угадал – финал не за горами. Пара правок – и в печать. В сроки укладываюсь.

– Хвала компьютерным богам и быстрокрылому Пегасу! – шуточно помолился Михаил. – Сорока принесла на хвосте, что вскоре вид из нашего окна может измениться?

– Отец нашел прекрасный вариант, – улыбнулась Наталья. – Есть возражения?

– Нет – друзья детства давно сменили родовые гнезда. От института далеко?

– В пешей доступности.

– Ого. То есть теперь, как в книжке: «А из нашего окна площадь Красная видна...»

– Папа получил Госпремию, я завершила роман – можем себе позволить. Неплохая экология, не шумно, подземный паркинг на три машиноместа. Домработницу новый адрес вполне устраивает, – мать угостилась клубникой и сладко потянулась. – Хотя лучше всего мне пишется на даче.

– Дачей были первые восемь соток в пролетарском направлении. Поместье в заповедной зоне с японским садиком, прудом с золотыми рыбками, скульптурными композициями и домиком для гостей – совсем другой формат. Бедная бабушка со своими грядками теснится на задворках. И боится заблудиться.

– Кругом охрана, все подскажут.

– Ей нелегко возиться с урожаем.

– Сдам роман, помогу. Будем заготавливать на зиму варенье и крутить салаты.

– Неужто сад с цветами пошлешь на фиг?

– Доверю профессионалам. Тетя Люся посоветовала отличную семью, пенсионеры из Тимирязевской академии. Живут вблизи.

– О, как! Отставные педагоги сумели заработать на дом в элитном поселке?

– Студенты же покупают Lexus класса люкс.

– Не все. Лишь победители айтишных чемпионатов. Нас пара сотен на державу. Получу кафедру в престижном универе, – размечтался Сергей, – сменю его на Maybach и прикуплю роскошный замок.

– Не судьба: в лучшем случае снимешь квартиру на берегу Женевского озера и будешь колесить по всей Европе – там дорогая жизнь и крупные налоги. А хозяевами дворцов, самолетов и яхт станут те однокурсники, чьи отцы владеют нефтяными скважинами или алмазными приисками. Старо, как мир.

– Выходит, планы строить бесполезно? Пора обрезать крылья?

– Наоборот: расправь их и – к вершинам. Но ведь они не только в Старом или Новом свете. Не сбрасывай со счетов матушку Россию – у нас карьерный рост не самый худший. Отец не так давно носил погоны, а нынче возглавляет крупный...

– Намекаешь, вас с батей не перепрыгнуть? А ничего, что кроме литературных и Государственных, есть более масштабные премии? Нобелевская, например.

– Приветствуется! – рассмеялась Наталья, подвигая сыну клубнику. – А пока трескай душистую радость. Кстати, у наших будущих садовников всего шесть соток в крохотной деревне по соседству. И развалюха-дом еще от бабки с дедом. Назначим им жалование как три пенсии, и всем станет хорошо: наш сад превратится в райские кущи, а селекционеры обновят старый дом.

– Ма, признайся, самые счастливые дни были там, на старой даче.

– Ты выбегал в огород, ложился между грядок и ел клубнику прямо с куста.

Дурачась, вспоминали смешные истории и наперегонки ели ягоды. Идиллию нарушил звонок мобильного телефона. Сын извинился и исчез. Наталья наклонилась над корзинкой с клубникой и вдохнула головокружительный аромат. Совсем как в юности...

...Плацкартный вагон стройотрядовского состава мчал работающую молодежь на уборку сельскохозяйственного урожая. Неугомонные девичьи бригады бесконечно соревновались в остроумии и острословии. Всю дорогу гоняли чай, украдкой грешили вином, бойко танцевали в проходах и под аккомпанемент гитары дружно исполняли модные шлягеры. Наташа сторонилась шумных компаний. С высоты своей второй полки она любовалась проплывающими за окном деревеньками и полустанками. Миловидная спутница на соседней полке одолевала ее расспросами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.